

12+

Артём Тамаров

ВОЙНА И СЕРДЦЕ

Артём Тамаров
Война и Сердце

«Издательские решения»

Тамаров А.

Война и Сердце / А. Тамаров — «Издательские решения»,

Я — верховный правитель империи, бессмертный бог, способный творить целые миры. Я живу в высокотехнологичном будущем, в мой мозг встроены совершенный искусственный интеллект, и что угодно доступно мне по щелчку пальцев. Но даже мне порой приходится пользоваться древними как мир методами: чтобы предотвратить войну и восстановить хрупкое равновесие сил, я должен притвориться студентом мною же созданного университета и втереться в доверие к дочери моего врага.

© Тамаров А.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Друг или Враг	7
I	7
II	13
III	19
IV	20
V	27
VI	29
VII	40
Операция «Первая Любовь»	43
I	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Война и Сердце

Артём Тамаров

РЕКОМЕНДАЦИЯ ПО ЧТЕНИЮ

Редактор Юрий Кудряшов

Корректор Сергей Ким

© Артём Тамаров, 2026

ISBN 978-5-0070-3595-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогой читатель, хочешь по-настоящему погрузиться в сложный и многослойный мир? Окажись в его центре! Повествование от первого лица — это твой пропуск внутрь. Оно поможет тебе увидеть самые глубокие темы и вопросы, которые поднимает книга. Визуализируй мир по мере её чтения — и ты полностью ощутишь её уникальную высокотехнологичную имперскую атмосферу.

Пролог

Холодная грязь вьелась в латы. Металлический привкус крови — его собственной крови — заполнил рот. Воин судорожно вдохнул, откашлялся, с хрипом втягивая воздух, которого только что был лишён. Каждый мускул горел, кости ныли от бесчисленных падений. Он поднялся. Снова. В очередной раз.

Перед ним, недвижимый и безмолвный, стоял *он*. Не человек. Сущность, закутанная в струящиеся тени, что глубже самой тёмной ночи. В прорезях капюшона горели два уголька — глаза самой смерти. И в них читалось... разочарование.

— Такими темпами, — голос существа был шелестом высушенных листьев по могильной плите, полным неоспоримой истины, — ты никогда не превзойдёшь меня.

Отчаяние — острое, как клинок, — кольнуло ученика сильнее любой физической раны. Голос сорвался на крик, хриплый и надломленный:

— А что мне делать?!

Ответом был лишь мгновенный сдвиг теней. Ученик, движимый слепой яростью и отчаянием, рванулся вперёд. Его атака была резкой, быстрой, смертельной для любого смертного.

Существо в тёмных одеяниях шевельнулось. Не более. Пара плавных, непостижимо быстрых движений рукой — и мир для воина снова оборвался. Холод. Тишина. Пустота.

Шелест тьмы.

Учитель скрестил длинные пальцы. Воздух вокруг них заколебался, сгустился. Золотистые искры вспыхнули в чёрной маслянистой мути, сливаясь в странный пульсирующий золото-чёрный туман. Он обволок бездыханное тело ученика, проник сквозь сталь и кожу.

И сердце дрогнуло. Лёгкие взметнулись, вбирая воздух с хриплым всхлипом. Глаза воина распахнулись, застыв в немом ужасе и боли возвращения. Он рухнул на колени, трясаясь, как в лихорадке. Слюна и кровь стекали по подбородку.

Двадцать седьмое возрождение. Ни единого удара, который смог бы достичь цели. Ни тени на надежду. Но он не должен был, не имел права опускать руки. Глаза воина загорелись смертельным огнём. Пусть его сознание переживёт хоть мириады этих мучений, но он должен...

Пошатываясь, опираясь на дрожащие руки, он поднял взгляд. На учителя. На смерть. Голос был едва слышным, но звучал уверенным хрипом, вырванным из самых глубин измученной души:

— Про... дол... жаем...

Туман рассеялся. Тени сомкнулись вокруг учителя. Цикл был готов начаться снова. В бесконечной беспощадной пляске на краю вечности.

Друг или Враг

I

Я проснулся, выпил кофе и отправился на пробежку. После глотка горячего напитка утренняя свежесть перестала казаться врагом.

Перешагнув порог, я на ходу набрал Дэна:

— Дэн, привет. Не забудь подготовить меня и Нию к сегодняшней встрече. Игорь вчера так напустил важности, что аж мурашки.

Голос Дэна прозвучал сонно, но уверенно:

— Расслабься, Бураребу. Всё под контролем. Нию предупредил. Беги, не отвлекайся.

— Я понимаю, шутки шутками, но Бураребу звучит ужасно, зови меня Береби, мы же давно знакомы!

Его спокойствие было бальзамом после нервного напутствия Игоря: «Это безумно важно, не дай бог, ты не придёшь». Эти слова добавляли лёгкую, но назойливую тревогу.

Я свернул с привычной аллеи парка. Потянуло посмотреть на окончание работ над главным корпусом моего университета. Телепортация до столицы по щелчку — и вот я уже наблюдаю прекрасную картину.

Защитный барьер стройплощадки был прозрачен, а не как в прошлый раз, когда всё, что я мог видеть, — это гигантская голограмма: «Закрыто. Идёт стройка». И вот оно... Застыв, я наблюдал. Работа кипела, но не в привычном хаосе кранов и бетономешалок, как в моём детстве. Над фасадом на уровне третьего этажа висел туман наночастиц. Он поглотил здание, и спустя пару секунд появился новый дизайн из шена.

Внезапно ритм роя изменился. Частицы над одним из оконных проёмов сгруппировались в шар, а затем резко рассеялись, оставив после себя идеально отреставрированный каменный наличник. Это был знак: работа на этом участке завершена. Рой переместился дальше, оставляя за собой обновлённую гладь стены.

Я глубоко вдохнул, ощущая холодок в лёгких, смешанный с восторгом от увиденного. Адреналин от зрелища придал сил. Повернувшись, я тронулся с места, ускоряя шаг. Пора домой. Ния наверняка уже проснулась, и Дэн, наверное, звонил ещё раз — он терпеть не мог, когда планы нарушались.

Пробежка — это моя дань смертности. Физическая форма? Её поддержат наночастицы, ещё более миниатюрные и специализированные, чем те, которые обновляли университет. А вот моральную форму я воспитываю только так: чувствуя тяжесть шагов. Потому что тяжесть их жизней не должна быть легче моей.

Утро завершилось неспешным ритуалом на террасе: тосты с авокадо и солью. Ладно, пора двигаться к сути дня — к Игорю.

Ния ждала у выхода.

— Готов? — сказала она с красивой и одновременно острой улыбкой.

Начинается новый день, чистый лист, но всё та же книга. Давай, Элион, соберись, а то как-то сильно вдохновили тебя эти наночастички-строители.

— Я всегда готов, — ответил я.

— Ну вот и отлично! Только идём пешком. Всё время телепортироваться — это скучно. Мне кажется, ты уже забыл, как твой город выглядит.

— Ничего я не забыл. Хотя ты права: в последнее время было много дел, и я почти не передвигался привычными способами.

Мы вышли в город. Он встретил нас уже не сонным бормотанием, а уверенным пробуждением. С каждой секундой Конвитио (город, в котором я временно пребывал, так как работал с Игорем) просыпался и уже спустя несколько минут окончательно скинул пелену сна: машины проносились, ЭМ-метро работало, люди суетились, очереди в телепортах росли — в общем, всё как обычно.

— А что за срочное дело у Игоря? — нарушила вдруг тишину Ния.

— Сам не знаю. Но обычно всё, что важно для него, не всегда важно для меня. Надеюсь, это тот случай.

Ния помолчала, а потом как будто прозрела:

— Стой, а разве не сегодня должна была обновиться архитектура универа?

— Сегодня. И я её уже видел. — Я в красках описал ей процесс завершения строительства.

— М-да, ребята из ССК зря времени не теряли. Постоянно задаюсь вопросом: как им удаётся так налаживать гармоничную и синхронную работу наночастиц? Это же не чертежи разрабатывать, здесь нужны мозги настоящего работника, который любит это дело и горит им.

— Угу, — согласился я. — Почти пришли, кстати.

Они выросли перед нами внезапно: два спиральных небоскрёба, закрученных вокруг друг друга, словно гигантская ДНК, устремлённая в небо. Прозрачные мосты-переходы соединяли их на разных уровнях.

Мы вошли внутрь. Запах стерильного воздуха встретил нас в просторном атриуме. К нам плавно, без лишней спешки двинулся охранник. Не андроид, как могло бы быть, а человек. Его лицо было профессионально нейтральным, но в глазах светился острый живой интеллект.

— Добрый день, DrVereby. Могу ли я предложить защиту или сопровождение? — спросил он. Затем его взгляд скользнул по Нии, и в глазах загорелся давно потухший сопернический интерес. — Здравствуй, Ния.

— Спасибо, но у меня уже есть телохранитель, — сказал я. — Подскажи лучше, Билли, где находится Игорь?

— Сэр, Игорь ожидает вас на сто двадцать седьмом уровне, в спирали «Альфа». — Он указал на первую часть здания. — После гражданских гравиплатформ следует водяное зеркало, за ним — небольшой коридор, и вы увидите подъёмники для VIP-посетителей.

— Спасибо, — сказала Ния.

Он отступил, растворяясь в пространстве атриума, как элемент его дизайна. Мы с Нией двинулись вперёд к далёкому сиянию водного зеркала — огромной, идеально гладкой плиты тёмной воды, нависавшей горизонтально в воздухе и отражавшей спиральные башни в развёрнутом мире.

Когда мы отошли от охранника на пару метров, Ния спросила, почему Билли на неё так странно посмотрел.

— Ну, во-первых, ты мой телохранитель, то есть буквально телохранитель сама знаешь кого, — объяснил я. — Во-вторых, ты ведь зверочеловек, который даже не с нашей планеты.

— А-а, ну это многое объясняет, — задумчиво сказала Ния.

Путь лежал через толпу сотрудников и небольшую очередь к основным гравиплатформам. Люди при виде меня и Нии уступали дорогу и здоровались. Встречные взгляды не были назойливыми, но в них читались узнавание, лёгкое удивление, смешанное с неподдельным уважением. Люди пропускали нас не как важных личностей или начальство — они делали это так, как делает течение, огибая скалу.

Я мысленно поблагодарил себя за утреннюю пробежку и обучение морального духа. Сразу виден результат: не влияние силы или власти, а именно тот моральный эффект, к которому я стремлюсь и ради которого работаю над собой. Моя задача — чтобы все жители государства знали, что я рад помочь любому. Ведь кто-то живёт, чтобы жить, а я живу, чтобы жили

другие. Прокрутив эти мысли в голове пару раз, я окончательно подготовился ко встрече с Игорем.

Ния шла рядом с прямой спиной. Взгляд её спокойно скользил по лицам, принимая эту дань. Стесняясь, но принимая как нечто само собой разумеющееся.

Мы миновали водное зеркало, в котором колыхнулась тёмная муть, и тут же появились наши отражения — два прилично одетых человека: один — в тёмном технокостюме и плаще, другая — в красивом костюме белого цвета.

Мы шагнули на гравиплатформу. Индикатор мигнул зелёным, обозначая, что можно назвать точку маршрута.

— Спираль «Альфа», сто двадцать седьмой уровень.

Пора узнать, что же такое «безумно важно» для Игоря.

Этаж встретил нас стерильным минимализмом: панорамное окно, голограмма ДНК в центре — и Игорь, который даже не поднял головы от документа.

— Здоров. Как дела с улучшением СИНТ? — спросил я.

— Если ты про систему интракорпоральной нанотерапии, то с этим всё хорошо. Сейчас тестируются разработки на добровольцах, и КПД сильно вырос с прошлого раза.

Ния, поняв, что в этом разговоре ей делать нечего, села на диван, который располагался напротив панорамного окна. Несмотря на расслабленную позу, её уши и разум были острее бестериевого ножа.

— Сейчас приедет человек из «Нано-Блест». Он должен доставить нам небольшой кристалл, в котором содержатся синтезированные нейроний и нейтроний. Наконец-то завершим проект. И тогда...

Зазвучала оглушительная сирена. Будь это мой дом, был бы вызван спецназ, окна и двери были бы заблокированы, а все стены увеличили бы свою прочность вдвое. Но мы были у Игоря, а у него ничего не было предусмотрено на такой случай.

— Выключить, — сказали мы одновременно.

Пронзительная, леденящая душу сирена выключилась, а пальцы Игоря начали порхать над клавиатурой и несколькими дисплеями сразу. Его нейрочип засветился, обозначая работу нейросоединителя: он пытался найти причину включения сигнализации. Голограммы вспыхнули, показав тысячи строчек данных о разных сбоях и нарушениях.

Пока он был увлечён, я замедлил время в радиусе всего города. Мир остановился, звук работающих голопроекторов стал ещё более низким и растянутым.

— Так-так-так... — Мой голубой глаз окрасился в цвет расплавленного золота, и восприятие информации улучшилось в сотни раз.

Вот он — виновник. В центральном зале царил хаос. В атриум вошёл человек под два с половиной метра, закованный в угольную броню. Левый глаз пересекал старый шрам, а за спиной, как крылья хищника, маячили стволы плазменного пулемёта. Казалось, он был сделан из сплавов и ярости, а не из плоти.

Он шёл, неспешно задевая мелкие декорации. Сотрудники давно разбежались, лишь пара охранников валялась на полу, среди них не было Билли. На груди виднелся значок частной организации «Нано-Блест».

Я вернулся: восприятие сжалось до нормального, а время начало течь своим чередом. Игорь, бледный, посмотрел на себя, затем — на меня.

— М-да, Игорь... — Я повернулся к нему. В моём голосе была насмешка. — Видимо, весь достаточно щедрый бюджет, который я тебе выделил на охрану и безопасность объекта, ты потратил на его дизайн, удобства и, дай-ка угадаю, жидкое зеркало.

Игорь вздохнул, а затем его взгляд стал прикованным к моим пальцам, которые немного дрожали. Его взгляд наполнила ярость.

— Ты что, опять останавливал время?! — Он встал и немного покачнулся, не до конца придя в себя. — Ты хоть представляешь, насколько сильно перегружаешь свой мозг? Информация, прошедшая через тебя за секунду, больше, чем все данные Альди за год. Твой мозг просто вскипит и... Бам! Всё — нет Береби больше. И никакая регенерация не спасёт.

— Эм, вообще-то спасёт, — хотел я вставить логический аргумент.

— Не перебивай меня! Ты реально не понимаешь? Мало того что ты себя можешь угробить, так ещё и другие погибнут. Они просто-напросто застрянут в искажённом пространстве-времени, как муха в янтаре. Навсегда. Это не игра!

Послышался взрыв. Ния, словно молния, оказалась возле меня. Игорь тихо достал пистолет из выдвижного ящичка.

До нас стали доноситься возгласы охранника:

— Стойте! Туда нельзя! Подождите!

Судя по голосу, это был Билли.

Стоп, почему только возгласы? Не крики, не яростный боевой вопль, а просто немного громкие просьбы.

Дверь пробило энергокулаком. В кабинет вошёл актёр из съёмок боевика.

— Ты! — Он ткнул пальцем в Игоря. — Ты ведь заказчик?

— Смотря чего. — Голос Игоря был очень осторожным и ледяным.

— Вообще-то к малознакомым людям обращаются на «вы», — вставил я свои пять копеек.

— Отвали, — пробормотал актёр. — Мне нет никакого дела до букашек.

— Если не хочешь проблем, тебе лучше закрыть рот и успокоиться, — прошипела Ния. Она встала в боевую стойку, готовясь в любую секунду уничтожить воина.

— Псс, я не нуждаюсь в советах зверолоудей!

Ния в ответ с невероятной скоростью, которую можно сравнить с коброй, швырнула в него предмет, который я не успел разглядеть.

— М? Ты нарываешься?

Защитный купол поглотил урон осколка, который швырнула Ния.

— Следи за языком. Меня начинает это бесить. — Я отдал мысленную команду — и в любую секунду актёра могли окружить миллиарды наночастиц. Но нет, это не мой способ. По крайней мере, не здесь. Я глубоко вздохнул. — Что вам нужно?

— Он, — воин вновь указал на Игоря, — заказывал у меня кристалл СНН?

— Я. — Игорь убрал пистолет. — Если я правильно понял, вы курьер?

— Гони бабки, только потом получишь кристаллик.

— Да, пожалуйста. — Я холодно, почти небрежно щёлкнул пальцами. Перед актёром боевика появился стол, а на нём — роскошный чемодан с лайдами. Увидев недоумение воина, добавил: — Лайды — это новая валюта страны. Один лайд равняется десяти тысячам платиновых монет. Здесь же *primal lud* — это где-то в тысячу двести восемьдесят раз больше. Хватит?

Увидев, как глаза Билли засветились, я попросил его выйти и подождать внизу — пусть пока успокоит народ.

— Сойдёт. Меня зовут Дан, и я директор компании «Нано-Блест». Смотрю, ты богатенький.

Я ухмыльнулся.

— Да побогаче тебя буду, раз ты директор и курьер в одном лице. Отдавай кристалл и побыстрее завершай сделку, а то, боюсь, я сильно деградирую, находясь рядом с тобой.

Дан кинул кристалл, и Игорь поймал его с помощью появившегося из потолка манипулятора.

— Ты просил покинуть здание?

Дан взял чемодан. И в тот же миг его рука скользнула под плащ — оттуда с глухим лязгом выдвинулся крупнокалиберный пулемёт. Я едва успел выставить барьер. Оглушительная очередь прошла потолок, и Дан, даже не взглянув на нас, вылетел в образовавшуюся дыру, пробив три этажа.

— Аривидерчи! — донеслось уже сверху.

— Эх, Игорь, Игорь, поработать бы тебе над системой безопасности.

— Я бы с радостью, но я сэкономил на всём, кроме дизайна, технологий и проекта. Но так даже лучше.

— Лучше, что перепугали весь персонал, почти уничтожили весь твой дизайн в главном зале и проделали дыру в трёх этажах? Кстати, Ния, а почему ты ничего не предпринимала против него?

— А... — Ния склонила голову набок. — Я просканировала его сознание и выявила истинную цель. Проще говоря, прочла мысли.

— Он... Он представился директором «Нано-Блест»! — выдохнул Игорь. — У них же безупречная репутация! Контракт, печати — всё по правилам! Кто мог подумать, что... что они пришлют *это*?! — Он махнул рукой в сторону дыры в потолке.

— Репутация? — Я усмехнулся. — Игорь, милый, репутация в нашем мире — это голограмма. Красивая, убедительная и такая же недолговечная. А безупречный контракт можно написать на туалетной бумаге. Ты же сам генетический криптограф! Должен был знать. Должен был проверить. Не на уровне «о, директор Дан лично привезёт, как мило!», а на уровне сканирования ДНК, анализа нейронных паттернов курьера, как это сделала Ния, и в конце концов закончить проверкой его брони на скрытое вооружение! Бюджет у тебя на это был. Щедрый бюджет.

— Ладно, ладно... — пробормотал он. — Допустил я прокол с безопасностью. Допустил. Признаю. Но кристалл... — Он посмотрел с жадным облегчением на кейс, в который манипулятор клал кристалл. — Он здесь. Настоящий. Чистота синтеза... — Он ткнул пальцем в один из дисплеев, где бежали цифры. — Запредельная. Лучше, чем мы рассчитывали. Это... Это прорыв, Береби! Наконец-то мы сможем завершить то, что начали ещё в далёком тридцать пятом.

Энтузиазм в его голосе был искренним. Он уже забыл о пробитых этажах и грубом курьере, видя только сияющий кристалл и открывающиеся перспективы.

Я подошёл к панорамному окну. Внизу у здания уже клубилась толпа. Прибыли службы экстренного реагирования. Дроны-ремонтники облепили место выхода Дана. Через дыру в этажах доносилось шипение сломанной техники и крики.

— Прорыв... — повторил я задумчиво. — Возможно. Но цена вопроса, Игорь? — Я повернулся к нему. — Эта цена — не только лайды в том чемодане. Цена — твоя репутация. Репутация этого места. Сейчас по всему городу, а скоро и по сети, пойдут записи с камер наблюдения: «Директор Дан из „Нано-Блест“ ворвался в геном-центр „Спираль“, круша всё на пути, чтобы вручить посылку». Это не доставка. Это больше похоже на унижение, а может быть, даже и что-то большее. В моих силах стереть память и уничтожить любую информацию об этом инциденте, но смысл? Ты не учишься на своих ошибках.

Игорь помрачнел. Энтузиазм угас.

— Ты думаешь... это была не просто... выходка психопата?

— Психопаты редко бывают директорами компаний уровня «Нано-Блест», — холодно ответил я. — И уж точно не носят броню за миллионы и не стреляют через три этажа на выходе. Это демонстрация силы. Или... тест. Дан увидел мою реакцию. Увидел Нию. Увидел, как легко я заплатил. Он всё запомнил.

Ния подошла ближе к дыре, заглянула вниз. Её хвост нервно подёргивался.

— Он сильный, — задумчиво сказала она. — Быстрый. Рефлексы... нетипичные для его размера. Броня — не серийная. Кастом. Очень дорогая. «Нано-Блест»... — Она задумалась. — Я слышала это название. Не только в научных кругах. Их связывают с тендерными войнами. С исчезновением учёных. С серым рынком ген-модов. И с добычей ископаемых, которые занесены в список исчерпаемых.

— Вот видишь? — Я посмотрел на Игоря. — Твоя «безупречная» контора имеет шлейф. И теперь этот шлейф привёл их директора-качка прямо в твой кабинет. Кристалл мы получили. Но проблема не решена. Она только началась. Дан теперь знает, что ты ключевое звено в проекте. И что я, — я слегка улыбнулся, — достаточно богатенький, чтобы оплачивать такие проекты. В твоих интересах закончить проект в ближайшее время.

— Сделаю. — Глаза Игоря вновь наполнились безумием, которое обычно имеется у всех учёных, стоящих на пороге величайшего открытия всех времён.

— Отлично. — Я повернулся к выходу. — Ния, пойдём. Нам тоже есть над чем подумать. И... — Я бросил последний взгляд на сияющий кристалл. — Поздравляю с приобретением, Игорь. Надеюсь, оно того стоило.

Мы вышли из кабинета, оставив Игоря наедине с его прорывом и ворохом новых, куда более опасных проблем. Воздух в коридоре пах пылью и озоном от повреждённых систем. Где-то внизу сквозь три этажа всё ещё слышались голоса спасателей. «Аривидерчи». Это было не прощание. Это было «до скорой встречи». И следующая встреча, я чувствовал, будет куда менее благополучной.

— И куда более интересной, — добавила Ния, прочитав мои мысли.

II

Мы отправлялись в исторический район города. Прошёл месяц. Месяц с инцидента «Спираль» — так его назвали в обществе. Месяц, который для Конвитио пролетел в странном ритме — смесь обыденности и приглушённого напряжения. С одной стороны, «Спираль» была официальным государственным проектом, который должен был охраняться лучше любого другого здания. Именно это и покачнуло население. Раз директор «Нано-Блест» так легко преодолел всю защиту — что можно сказать про остальные здания и компании?

Да вот только защиты там этой не было, но говорить этого нельзя ни в коем случае. С большой уверенностью можно сказать, что могут появиться «ныряльщики», которые начнут копать и узнают, что почти все офисы Игоря (как оказалось) лишены должной защиты безопасности.

Мы с Нией шли на обед. Сегодняшний день был паузой перед прыжком. Завтра завершится проект «Я в домике». Игорь звонил на днях. Его голос, обычно нервный и весёлый, в этот раз был торжественно усталый — голос человека, который как будто вытащил камень из груди и невероятно рад этому.

— Завтра, Береби. Завтра утром проект «Я в домике» завершится. Начнётся череда тестов. И первичное тестирование проведёшь ты. Последние штрихи настройки — и завтра, возможно, ты станешь богом.

— Я и так бог. И последние штрихи Дана, особенно его последний штрих в виде дыры в три этажа, не очень-то хочется вновь увидеть. — Мой голос был наполнен иронией... И сарказмом.

В историческом районе нас интересовало кафе «Старый двор». Оно пряталось в тенистом переулке. Внутри — уютный полумрак, запах кофе и хлеба. Нас провели в отдельную беседку с плетёными креслами и камином. Это был своего рода VIP-уголок: полукруглое пространство, отделённое от основного зала плотной завесой из густого хмеля.

Ния, сбросив лёгкий плащ, под которым (я знал) был её стандартный белый облегающий боевой костюм, устроилась в кресле напротив. Её изумрудные глаза, похожие на глаза саблезубой кошки из древних легенд, лениво скользили по завесе из хмеля, но уши — острые, со светлыми кисточками — были напряжены, ловя каждый звук из зала. Её хвост, обычно подтянутый или нервно подрагивающий, сегодня лежал спокойно на подлокотнике, кончик лишь изредка шевелился.

К нам подошла девушка-официант. Её костюм был частью реконструкции: простое платье из грубоватой ткани в мелкий цветочек, белый фартук и заплетённые косы. Справа на груди виднелся голограммный бейджик с котиком и именем Настя, вокруг имелись разные эффекты. Улыбка была искренней, но глаза — усталыми.

— Добрый день, господа! — Её голос был чуть хриловатым от постоянного общения в шумном зале. — Рады видеть вас в нашем кафе «Старый двор». Что пожелаете из меню «Сезонный Альди»? Сегодня особо удались тушёный кролик с корнеплодами по рецепту 2021 года и яблочный штрудель с ванильным соусом «Бабушкин секрет».

— М-м... Нет, спасибо, кролика мне не надо. Мне, пожалуйста, стейк из сёмги по-деревенски со сметанным соусом и свежавыжатый яблочный сок. Ния?

— А мне, пожалуйста, тоже стейк, только из мраморной говядины в медовой глазури, а соус... Пожалуй, кисло-сладкий.

— Питьё будет? — спросила Нию официантка.

— Да, ежевичный чай.

— Хорошо. Напитки сразу подавать или вместе с блюдами?

— Давайте сразу.

— Итак, у вас... — Настя повторила заказ. — Блюда будут готовы минут через двадцать — двадцать пять. Пока они готовятся, могу принести хлеб и оливки, желаете?

— Да, давайте, — сказал я.

— Одну минуту.

Официантка вышла из нашей беседки.

Пока мы ждали, произошло вторжение: в нашу беседку из-под занавески хмелья зашёл кот. Он был белоснежный, с золотыми глазами янтарного оттенка. Кот явно знал это место и не раз здесь появлялся. Он потянулся, продемонстрировав длинные и острые когти, а затем... прыгнул Нии на колени.

Все в кафе, кто заметил это вторжение (а заметили многие — кот был местной достопримечательностью), замерли на секунду. Даже наша официантка, несшая деревянную доску с хлебом и тарелочкой, наполненной оливками, остановилась. Лицо Нии стало удивлённым. Она не стала прогонять кота. Он устроился, свернулся клубком на её коленях, втянул носом воздух (чуя, вероятно, с кухни запах стейка из сёмги: «Это мой стейк, мой!») и замурлыкал — громко, басовито, как маленький моторчик.

— Это Буран, — прошептала официантка и поставила тарелку на стол. — Чует своих, так сказать. — Настя посмотрела на Нию.

Ния осторожно протянула руку и погладила котика. Он ответил довольным, ещё более громким урчанием, переходящим в мелодичное мурлыканье. Реакция Нии была неожиданно детской: её зелёные глаза засветились теплом, а кончик хвоста радостно забил барабанную дробь по подлокотнику кресла.

— Смотрите-ка, — пошутил я, — нашли общий язык. Прямо семья.

Ния метнула на меня быстрый взгляд, в котором мелькнуло что-то тёплое и давно знакомое.

— Ага, — парировала она, не отрывая взгляда от кота. — Вот только дома у нас уже два питомца. Хочешь добавить третьего?

— Я-то не против, а вот Дэну это будет лишняя морока, — усмехнулся я, вспоминая наш небольшой зверинец в загородном доме. Этот кот, Буран, был похож на нашего белоснежного хорька — такого же наглого и обаятельного.

И тут случилось то, чего я боялся больше всего:

— Сфоткай меня с ним!

Я вспомнил, как в прошлый раз мы устраивали то самое «сфоткай меня», которое превратилось лишь в критику: то я тень неправильно сделал, то угол наклона не тот, то не соответствует закону золотого сечения, то эта фотка не оригинальна — и куча других всевозможных фраз, которые заставляли меня снимать вновь и вновь. Часы, потраченные на погоню за идеальным кадром в цветущей сирени, стали для меня кошмаром. Я почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Ния, видимо прочитав мои мысли, сказала:

— Да не бойся ты! Тут всего пара кадров. — Она улыбнулась и ещё раз погладила Бурана.

Я со вздохом, молясь всем богам (и себе тоже на всякий случай), материализовал телефон. Ния прижала довольного Бурана чуть ближе, стараясь не мешать его блаженству, и выдала улыбку — широкую, искреннюю, чуть смущённую. Солнечный луч, пробившийся сквозь хмель, золотил её волосы на висках и ослепительно белую шубку кота. Я щёлкнул несколько раз. Контраст «смертельный телохранитель и воплощение мирного уюта» был потрясающим.

— Готово, — сказал я, отправляя кадры на её устройство.

Её уши немного дрогнули, хвост дёрнулся, но затем Ния кивнула, довольная, уже возвращаясь к своей обычной, слегка отстранённой манере. Буран же, почуяв приближение Насти с подносом, от которого пахло рыбой и мёдом, проснулся, потянулся с королевской неспешностью и спрыгнул, величественно удаляясь в сторону кухни и высоко неся пушистый хвост.

Блюда прибыли. Мне принесли сёмгу с хрустящей корочкой и сметанным соусом. Нии — стейк в медовой глазури и яркий кисло-сладкий соус. Оливки оказались мясистые, с травяным послевкусием, сок — свежий, а чай — густой, ягодный.

Кафе было заполнено на три четверти. Типичная для буднего дня смесь: студенты с голопланшетами, обсуждающие квантовые сплайны; пожилая пара, с ностальгией разглядывающая старые голоснимки на стене; несколько деловых людей в строгих, но не вычурных костюмах. Никакой паники, никаких шёпотов о пробитых небоскрёбах. Жизнь текла. Но, к сожалению, я видел больше.

Охрана. У входа, сливаясь с кирпичной кладкой, стоял человек. Не в форме, но осанка и сканер, замаскированный под обычный комлинк, — выдали охранника. Видимо, после инцидента в «Спирали» владельцы даже таких заведений поспешили усилить меры.

Мы ели, наслаждаясь настоящими мощными вкусами и тишиной беседки, нарушаемой лишь треском дров в камине зала, журчанием фонтана и мурлыканьем Бурана где-то на кухне. Я ловил обрывки разговоров из зала: спор о лучшем сорте картофеля для посадки, рассказ старика о первой гравиплатформе, смех детей — в зале царил жизнь.

У окна сидела влюблённая пара. Молодой человек что-то страстно, но тихо шептал девушке, а она, краснея, смотрела на него, забыв про свой штрудель. Их пальцы едва касались друг друга на столе.

В углу за стопкой старых книг сидел подозрительный тип в длинном, чуть потрёпанном плаще цвета хаки. Он нервно оглядывался, что-то быстро записывая в блокнот, и почти не притрагивался к кружке эля.

У центрального камина шумно расположилась группа школьников-подростков. Они о чём-то громко спорили, тыкая пальцами в проекцию нового игрового чипа над столом.

И вот она — деталь, которая выделялась, как заплатка на новом костюме: на соседнем столике рядом с пустой кофейной чашкой лежала газета. Настоящая. Заголовок бросался в глаза жирным, чуть потрескавшимся от времени шрифтом:

Конвитио: ежедневный вестник
Дата: 2 февраля

А ниже, на первой полосе — не самый крупный, но жирный заголовок:

«Нано-Блест» и тень над «Спиралью»:
месяц спустя.

Что скрывается за взрывным визитом директора?

Рядом — слегка размытая фотография: Дан в своей адской броне, выходящий из клубящегося дыма на фоне повреждённого фасада «Спирали». Снимок был сделан явно с большого расстояния и усилен.

Я поймал взгляд соседа — пожилого мужчины в очках. Он заметил мой интерес к газете и одобрительно кивнул.

— Читаете? — спросил он громковато, перекрывая гул кафе. Его голос был хриплым, но звучным. — Редкость нынче. А зря. В сети... Там всё гладко, прилизано, причёсано. А тут, — он стукнул костяшкой пальца по газете, по фотографии Дана, с силой, от которой задрезжала его кофейная чашка, — чувствуется правда. Что вы, молодой человек, скажете про этот цирк? Про этого... директора? — Его взгляд, острый и оценивающий, уставился на меня.

Я вежливо улыбнулся, откладывая вилку.

— Бумага напоминает, что не всё стирается кликом. Что там случилось? — сделал я вид, что не в курсе, но его прямой вопрос требовал осторожности.

Старик фыркнул. Возмущение брызнуло из него, как пар из чайника:

— Беспредел! — Он почти кричал, привлекая взгляды. — Этот... директор Дан будто из каменного века свалился! Ворвался в «Спираль», как медведь в стеклянную лавку! Охраны — ноль! Безопасность — дыра! А потом — бац! — Он резко хлопнул ладонью по столу, заставив Нию насторожённо поднять взгляд. — И сквозь три этажа! И что? Расследование? Ответственные? «Нано-Блест» — как воды в рот набрали. «Недопонимание, курьер перестарался». Перестарался! Да это же насмешка! — Он чуть не поперхнулся от ярости. Его лицо побагровело. — А Игорь Андреевич... отмалчивается. Раны зализывает, проект доделывает. Город? Обсудил три дня — забыл. Богатые всегда отмываются! Новости — вода. Течёт. А бумага... Бумага остаётся. Напоминает. Страшно, а? Что такие могут просто так вломиться куда захотят. — Он пристально смотрел на меня, ожидая ответа.

— Страшно, — искренне ответил я, встретив его взгляд. В этом слове были и страх за простых людей, и холодок от завтрашней неизвестности, и гнев на безнаказанность Дана.

Старик что-то прочитал в моих глазах, удовлетворённо хмыкнул и вернулся к своему остывшему кофе.

Я вспомнил, что смог найти про «Нано-Блест». Как я понял, это одна из крупнейших скрытых компаний-титанов, которые управляют рынком. Их заказчики — полстраны. Даже такие гигантские государственные компании, как ССК, пьют из их рук. Также удалось найти информацию о грязных и чёрных делишках, но, видимо, ребята умеют хорошо использовать закон, так что в этом их никак нельзя упрекнуть.

С другой стороны, «Нано-Блест» сделала многое для своей страны: она активно участвует в фондах благотворительности, постройки и обустройства городов, развития науки и покорения космоса. Не исключено даже, что того охранника, которого я заметил, снабдила оружием и формой именно эта компания. Даже странно, что я их раньше не замечал и не обращал внимания. Они вплели себя в ткань Альди, как золотые нити и как скрытые зазубрины.

Эту ткань — живую, с её котами Буранами и смущёнными улыбками — я призван защищать. Завтра я шагну за грань не ради власти. А чтобы грубая сила Дана не стала единственным законом.

Когда мы закончили, я поймал взгляд Насти. Она подошла с деревянным подносом, на котором лежал аккуратный бумажный чек.

— С вас 0,2 лайда, господин, — сказала она, улыбаясь.

Цена была, кажется, немного заниженной для такого заказа в VIP-уголке — явный комплимент от заведения или лично от неё. Я кивнул, доставая тонкую стеклянную пластину с титановой обводкой. Пока прикладывал карту к считывателю на подносе, Настя ловким движением руки, прикрыв краем салфетки, положила поверх чека маленький, сложенный треугольником клочок бумаги. На внешней стороне было нарисовано аккуратное сердечко.

— Прекрасного вам дня, господа! — Она поймала мой слегка удивлённый взгляд, и её губы тронула озорная понимающая улыбка. Она подмигнула мне, прежде чем развернуться и исчезнуть за занавеской из хмеля.

Я спрятал записку в карман технокостюма, который исчез так же неожиданно, как и появился, и мы встали из-за стола. Я шёл первым, Ния — чуть позади.

Неожиданно я поймал сильнейшее напряжение. Моё восприятие буквально визжало об опасности. Я быстро огляделся. Ния непонимающе поймала мой встревоженный взгляд. «Что происходит?» — пронеслась мысль.

А произошло дальше то, чего я никогда не смог простить «Нано-Блест» и Дану.

Из угла зала, где сидел тот самый подозрительный тип в плаще цвета хаки, раздался нечеловеческий вопль — не страха, а ярости и безумия. Он вскочил, стул с грохотом опрокинулся назад. В его руке, скрытой до сих пор в складках плаща, мелькнул короткоствольный, корявый

на вид штурмовой импульсный карабин — оружие чёрного рынка, дешёвое, смертоносное и запрещённое в Альди.

— Сдохни! — проревел он.

Слюна брызнула изо рта, и пальцы судорожно сжали спуск.

Оглушительный треск разорвал уютную атмосферу кафе. Стробоскоп вспышек дульной энергии ослепил. Сотни миниатюрных сверхзвуковых импульсных игл — не пуль, а ступков кинетической энергии — понеслись прямо ко мне.

Адреналин был не нужен — сработал холодный отточенный рефлекс. Я даже не дрогнул.

— Барьеры активированы, — прозвучал в голове голос моего ИИ-ассистента Камушка.

Пространство передо мной сгустилось. Иглы не отскочили, они... увязли. Замерли в сантиметрах от моей груди, вибрируя с бешеной частотой, как пойманные в сачок яростные осы. На их острых носиках заискрила статическая энергия.

Барьер, оставив после себя лишь лёгкий запах озона и дрожание волны тепла, поглотил снаряды. Ни пылинки не долетело до моей одежды.

Смятение, крик Насти, визг школьников — всё это было где-то далеко, за толстой стеклянной стеной замедленного времени. Я медленно подошёл и поднял голову. Мои глаза встретились с безумным взглядом нападавшего. В них не было страха, только фанатичная ненависть и... разочарование? Мой взгляд был ледяным, вопрошающим, полным недоумения и глубочайшего презрения.

«На что ты, некультурный молодой человек, вообще рассчитывал? С этим куском ржавого железа? Против меня?» — подумал я с иронией. И вернул время.

Ния среагировала первая, она хотела броситься на нападавшего, но её опередил охранник у входа. Он рванулся вперёд, выхватывая из-под пиджака компактный энергопистолет с синим свечением вокруг ствола. Его лицо было искажено профессиональной яростью.

— Руки вверх! На пол! — заорал он, уже наводя оружие.

Но нападавший лишь дико захохотал.

Охранник хотел сделать выстрел, но оружие то ли заклинило, то ли не было рабочим, хотя оба варианта маловероятны.

Сумасшедший не стал стрелять в охранника. Его безумный взгляд метнулся к влюблённой паре у окна, к школьникам у камина, к старику с газетой, чьё лицо побелело от ужаса.

— Гибните, черви! — взревел он и резко развернул карабин. Палец снова сжал спуск.

Новая очередь. Иглы смерти понеслись к незащитным людям. Время для них текло нормально. Они успели увидеть вспышку дула, услышать вой смерти.

Я шевельнулся. Достигнув предельной для себя скорости, поймал все снаряды.

Для других я не двинулся, не побежал — просто исчез со своего места и оказался на траектории всех летящих игл. Не между нападавшим и жертвами, а прямо перед летящим роем игл. Моя правая рука взмахнула — не быстро, а с непостижимой гипнотической точностью. Казалось, я просто лениво провёл ладонью по воздуху. Но в тот же миг все выпущенные импульсные иглы... оказались у меня в кулаке.

Я сжал пальцы. Раздался сухой хрустящий звук — хруст ломающихся энергоматриц и деформирующегося дешёвого сплава. Я разжал ладонь. На деревянный пол с глухим стуком упала горсть смятых, оплавленных, дымящихся металлических капель и чёрной керамической крошки. Больше никакой угрозы. Только запах гари и озона.

Нападавший перестал смеяться. Он смотрел на меня. И на его лице появилась... широкая довольная ухмылка. Безумие в глазах сменилось чем-то другим: холодным, расчётливым, можно даже сказать научным, интересом. Он кивнул, будто получил подтверждение важной гипотезы. И поклонился.

— Приношу извинения. На ваши счета будет перечислена моральная компенсация. Тебе же спасибо, — прошептал он, но договорить не успел.

Ния кинула в него кинжал, а охранник выстрелил. Кусок металла и синий сгусток энергии с шипением полетели в цель. Но там уже никого не было. Тип просто растворился. Не было вспышки телепорта, не было искажения воздуха — только лёгкое мерцание, как от пылинки в солнечном луче, и пустота. Он исчез, будто его и не было. Остались лишь опрокинутый стул, запах пороха и озона и горсть дымящегося мусора на полу.

В зале воцарился хаос, а я... Я стоял с глазами, наполненными грустью, горечью и невероятным отчаянием. Сейчас он разрушил уют этого места, наполнил ужасными воспоминаниями маленьких детей, оставил сильный отпечаток в душах подростков и, возможно, только что изменил последние годы пожилого человека, который проведёт их в вечном страхе и бессоннице.

Я смотрел на горсть оплавленного мусора на полу. Вдох. Выдох. Тишина в ушах звенела громче криков. Голос стал тише шёпота, в нём звенела сталь вечности:

— Я найду тебя. И оборву твою жизнь самым ужасным способом... Но ведь это не вариант. А пока, Камушек, сотри память об этом происшествии у всех находящихся в этом кафе и замени их воспоминания.

III

Директор «Нано-Блест» сидел в своём кабинете, залитом холодным светом голопанелей. Час назад приходил оперативник, выполнявший его миссию в «Старом дворе».

— Что ж, впечатляет... — прошептал он. — DrVereby не только не допустил жертв. Его присутствие аннулировало шансы даже на возможных пострадавших.

Дан просмотрел запись камер наблюдения: человек в технокостюме словил сверхзвуковые иглы взмахом руки. Словил, как комара.

Дан откинулся на спинку стула. Кресло сразу же запустило бодрящий массаж — волны вибрации прошли по напряжённой спине. Насколько же он силён? Этот вопрос уже годами сверлил сознание Дана, но сегодня он зазвучал с новой пугающей остротой.

По условиям договора, который он заключил с союзниками, Дан предоставляет Ихорий. Что ж, время выполнить свою часть. Директор коснулся кнопки на столе, активируя микрофон.

— Захар, активируйте первый ЭМИ-импульс на Цме-Су. Начинайте высадку на планету и развёртывайте добычу Ихория.

— Принято, сэр.

Ассистент отключился. Дан взял со стола пробирку и повертел ей перед глазами. Его новое детище: серые слизи — генно-модифицированный планктон, способный разрушить экосистему любой планеты.

«Что же предпримет всеми любимый верховный правитель? Попытается развалить „Нано-Блест“? Не выйдет. Не только потому, что эта компания обеспечивает более двадцати процентов всей экономики, но и потому, что все сотрудники — давно уже мои преданные марионетки, подчинённые сеансами глубокого гипноза и имплантами изменения личности. Все, кроме... Впрочем, не важно. Главное — что эти марионетки даже не знают, что они марионетки, они искренне любят свою работу. Индивиды не поменялись, однако всё, что связано с целями „Нано-Блест“, они теперь считают высшим законом».

План наконец начал осуществляться совместно с неожиданными союзниками. Они пришли оттуда, откуда он не ждал. Оказалось, они прагматичны и... требовательны. Их угрозы Дан, конечно, проигнорировал. Не в том они положении, чтобы диктовать условия, однако перестраховка не помешает. Этим стоит заняться.

Сначала — Цме-Су... Затем — Ния... Затем — Альди...

Директор подошёл к окну. На улице сверкали тысячи огней небоскрёбов.

«Посмотрим, как долго твоя империя простоит без фундамента. Ты отнял у меня всё в ту войну. — Дан сжал кулак, и серые слизи в пробирке дёрнулись, подчиняясь его воле. — Теперь я отниму у тебя ещё больше. После мести я создам новую, совершенную империю на выжженной земле старой».

За спиной на мониторах разворачивалась карта системы. Первая цель мигнула алым. ЭМИ-импульс на Цме-Су был запущен.

IV

Я проснулся. Сон был беспокойным, населённым мерцающими ухмылками безумца и криками детей.

Ния уже ждала у выхода. Её белый костюм был безупречен, но в золотистых глазах читалась тень. Не страх. Готовность. Стальная решимость, закалённая вчерашним адом. Она не смогла вчера ничего сделать, ничего изменить и из-за этого чувствовала себя разбитой. Мы понимали друг друга с полувзгляда. Вчерашняя ярость во мне ещё тлела холодным опасным углём под пеплом контроля. Она это чувствовала. И была готова ко всему.

Никаких прогулок и созерцаний города. Я вернулся к своему любимому способу передвижения — телепортации. Одна секунда — тихий дом с запахом кофе. Следующая — ледяное величие атриума ДНК-башен.

Тишина. Гулкая, давящая. Не та уютная тишина кафе перед бурей, а тишина операционной перед началом сложнейшей процедуры. Операции на самой реальности.

Охранники у входа — уже не просто профессионалы. Облачённые в новую тёмно-серую форму с усиленными наплечниками и едва заметными выпуклостями встроенного оружия. Их сканеры скользнули по нам. Узнавание. Разрешение на проход. Никаких приветствий. Только лёгкий кивок старшего поста.

— Здравствуйте, DrVereby, — поприветствовал меня Билли в холле.

— Где Игорь?

— На сто двадцатом этаже.

Я переместился на сто двадцатый уровень спирали «Альфа».

Пространство внутри было огромным и напоминало командный центр звездолёта или святилище технобога. Полукруглая стена из матового чёрного стекла была усеяна десятками голодисплеев, на которых бежали водопады данных: квантовые схемы, биологические сигнатуры, модели пространственно-временных континуумов. В центре зала под самым куполом потолка на мощном пьедестале парил тот самый кристалл СНН — синтезированный нейроний-нейтроний. От него расходились тонкие лучи энергии к различным консолям.

Сам Игорь стоял перед главным пультом. Он выглядел... измождённым. Но не сломленным. Его глаза горели лихорадочным блеском учёного на пороге величайшего открытия (или падения в бездну). На нём был не привычный белый халат, а тёмный облегающий костюм с кучей сенсоров и интерфейсных разъёмов на предплечьях и висках, подобный моему. Его нейрочип светился ярко-жёлтым — пиковая нагрузка.

— Береби! — Его голос сорвался, звучал одновременно устало и возбуждённо. — Ты... пришёл. Всё готово. Камушек уже интегрирован в основную матрицу управления. — Он махнул рукой в сторону кристалла. — СИНТ II стабилизирован и ждёт сигнала. А это, — он указал на кресло в самом центре зала, похожее на кокон из полированной стали и прозрачного нейрореактивного стекла, опутанное кабелями и волноводами, ведущими к кристаллу, — твой «домик».

Он подошёл ближе. Его глаза заглянули в мои. В них читалось всё: гордость за создание, нервное напряжение, страх перед неизвестным... и тень вчерашнего. Он знал о кафе. Знал.

— Ты уверен? — спросил он тихо, так, чтобы не слышали десятки техников, замерших за консолями в ожидании. — После вчерашнего... Силы может не хватить. Или контроля. Или... — Он не договорил: «Или моральных сил».

Я посмотрел на кресло-кокон. На пульсирующий кристалл. На Нию, которая встала чуть позади, приняв стойку телохранителя, — её взгляд сканировал зал, выискивая малейшую угрозу. Я ощутил холодную ярость, всё ещё тлевшую в глубине, и хрупкую, но непоколебимую решимость её остудить. Ради них.

— За кого ты меня принимаешь? — Мой голос прозвучал спокойно, как поверхность водного зеркала. — Пора зайти в «домик», Игорь. И запереть дверь. От всех. Особенно от крыс.

Я сел в кресло. На экранах данные побежали быстрее. Кристалл СНН вспыхнул ярче. Испытание начиналось. Не просто технологии. Испытание бога. Испытание человека в боге. Испытание ярости против милосердия. Всё началось прямо сейчас.

Проект «Я в домике» подразумевал создание собственного измерения, которое было мощнейшей инвестицией в мои силы. Оно позволяло многократно увеличить производительность ГН-структуры и прочность моих барьеров. В мой мозг, в мои нейроны будет помещён специальный передатчик, через который я смогу попадать в него. Измерение, можно сказать, находилось в моём воображении. Для этого и нужен был кристалл СНН. И многое-многое другое.

Первые секунды: мгновение после активации передатчика... И вселенная взорвалась белой горячей агонией внутри моего черепа. Это была не боль в привычном смысле, это было осознание, полное, невыносимое осознание каждого микроскопического пожара, вспыхивающего в триллионах нейронов. Я чувствовал, как электрические штормы — нейронные импульсы — рвутся по аксонам. Я слышал треск синапсов — триллионы крошечных щелчков, сливавшихся в один непрерывный оглушающий гул. Каждое соединение, каждое химическое взаимодействие в синаптической щели ощущалось раскалённым гвоздём, вонзаемым прямо в ткань сознания. Камушек где-то далеко, на краю восприятия, пытался модулировать потоки, но это лишь добавляло новых чуждых частот в этот симфонический кошмар. Я был не просто в боли, я был болью — расплата за то, чтобы стать мостом между мирами.

И затем... отступило тело. Вернее, отступило всё то, что работало автоматически, без моего ведома. Сердце. Оно просто... замерло. Тишина в груди — страшнее любой боли. Паника, острая и ледяная, пронзила нейронный ад. «Э, куда? Бейся!» — пронеслось в пылающем сознании. И я усилием воли сквозь всепоглощающую боль сжал невидимую мышцу где-то в груди. Раз! Толчок — слабый, хлипкий. Два! Каждое сокращение требовало титанического усилия, и каждое отзывалось новой волной неврологической агонии. Сердце стало рабом, а я — его надсмотрщиком с плетью из собственных нервов.

За ним отказали лёгкие. Удушье. Я заставил диафрагму дёрнуться вниз. Вдох. Едкий запах озона и страха. Выдох. Печень, почки, селезёнка — тихие тёмные лаборатории тела замолчали. Их сложные, неведомые обычным смертным процессы остановились. И мне пришлось вручную через немыслимую концентрацию запускать базовые циклы фильтрации, синтеза, детоксикации. Я стал диспетчером собственного умирающего тела, управляющим рухнувшей инфраструктурой сквозь сплошную боль. Автопилот был уничтожен. Остались только я, оголённое сознание и разваливающаяся плоть.

Этап третий: рождение гена. Симбиоз. И когда казалось, что следующего волевого импульса просто не хватит, что сознание растворится в этом хаосе боли и ручного управления, включился ген измерения. Это было... внутреннее землетрясение. Ощущение, будто всю мою ДНК выдернули, как старый ковёр, и мгновенно заменили на нечто кристаллическое, текучее и невероятно сложное. Знакомое, но чужое. Как если бы тебе в мозг влили новую совершенную математическую формулу Вселенной, но ты ещё не умел её читать, лишь чувствовал её огромный подавляющий потенциал. Боль не исчезла, но трансформировалась. Из режущей агонии — в жжение перестройки.

И тогда... мир перезагрузился. Он ощущался по-иному. Я начал чувствовать больше, словно мои органы чувств были улучшены на двести сорок процентов, как в видеоигре.

Зрение могло замечать мельчайшие детали. Я видел микроколебания воздуха над горячим кофе сотрудника, индивидуальные пиксели на самых дальних голоэкранах, мельчайшие зазубрины и нанотрещины в матовом покрытии помещения.

Слух уловил голос Камушка, который что-то говорил сотруднику в наушник, сердцебиение Игоря, вибрацию гравиплатформ на сотнях этажей ниже.

Запахи раскололись на мириады составляющих: пот, озон, антисептик, кофе, сосиска (что она забыла здесь?) — каждый запах был отдельным аккордом.

Я воспринимал мир не просто улучшенным — я воспринимал его сырыми данными. Это было подавляюще. Как если бы тебя бросили в центр Большого адронного коллайдера во время пикового эксперимента и заставили чувствовать каждую частицу.

В голове пронеслись воспоминания Альди: кафе, районы, жители, дома, животные... И закончились эти фотографии памяти двумя личностями: Даном и тем самым анонимом, который уничтожил мою моральную картину.

Сознание возвращалось медленно, будто сквозь вату. Перед глазамиплыли пятна. Я моргнуул, фокусируясь на потолке. Очнулся я в незнакомом помещении. Через мысленную команду, которая отозвалась острой болью в виске, узнал геопозицию: сто тридцатый уровень, спираль «Омега».

— Очнулся? — спросил Игорь. Он что-то сверил с моими показателями. Видимо, они удовлетворили его. — Готов начать?

— Да, — выдавил я с трудом.

— Итак, твоё измерение, грубо говоря, находится в твоём воображении. Чтобы туда попасть, ты должен сконцентрироваться и сделать комбинацию пальцев. Задействуй новый отдел мозга — как раз его формирование и было причиной адской боли. Биологически мозг не изменён, это как... — Он помолчал, подбирая слова. — Это как обновить операционную систему в компьютере: новых составляющих не появилось, но взаимодействие между ними стало другим.

— Ясненько. Начинать?

— Да-да.

Я сконцентрировался и попытался достучаться до новых нейронных связей. Ощущения были странными: как будто стараешься управлять никогда ранее не существовавшей мышцей. Я скрестил указательный и средний, а мизинец и большой коснулись подушечками, образуя кольцо.

Мир исчез, и я оказался в абсолютной пустоте. Ни звука. Ни света. Ни тяжести. Ни верха, ни низа. Только бесконечное, бездонное ничто, обволакивающее меня со всех сторон. Но в этой пустоте не было страха. Была... чистая доска. Это место станет моим домом. Моей крепостью.

Измерение будет разделено на три слоя реальности: Природа, Технослой, Хаос-слой.

Первый слой — Природа.

«С чего начать?» — мысль прозвучала гулко в беззвучной пустоте. Мне нужен был якорь. Что-то знакомое. Что-то... успокаивающее. Воспоминание.

Я закрыл глаза (хотя в этой пустоте глаза были лишь точкой восприятия) и вызвал в памяти холодное утро в парке Конвитио после пробежки, запах сосновой хвои, чистый воздух, хруст инея под ногами, тишину, нарушаемую только пением редких зимних птиц. Ощущение покоя.

«Лес... — прошептал я мысленно. — Зимний. Вечный. Безмолвный».

И перед моим внутренним взором, как чертёж, возник образ: бесконечный зимний еловый лес. Гигантские ели, устремлённые в небо. Снег под ними — не белый, а состоящий из миллиардов крошечных искр застывшего света, мягкого и прохладного на ощупь, излучающего тихое сияние. Каждая ель была не просто деревом, а воспоминанием. Чем глубже и ярче воспоминание, тем ель могучее. Кролики и белки мелькали вдали — редкие, пугливые духи этого места, больше символы жизни, чем настоящие звери. Да... Здесь будет тишина. Здесь будет покой.

Но лес — это одно. Нужен очаг. Я представил аромат грибов, скрип половиц, тепло огня в камине, тяжесть старых книг в руках. И на чертеже в просвете между величественными елями проявился деревянный сруб. Я знал, что внутри уже есть удобная кровать, пыхтящая печь, дубовый стол. И дверь, которая ведёт в бесконечную библиотеку, где записана самая подробная история мира.

Лесу нужна вода. Я вообразил мерцающую жидкость, холодную, как космос, и живую, как ртуть. И вот на чертеже за бесконечным лесом земля прогнулась, заполнившись этой ослепительно-серебристой субстанцией. На берегу возникли тюлени и нерпы — пока не из плоти, плавные, загадочные, вечные стражи глубины.

Нужен горизонт. Я добавил на ментальный холст исполинские хребты на дальнем плане. Их пики терялись в дымке, склоны были покрыты вечным льдом, испещрены ущельями и обрывами. Место для медитации. Для испытания себя.

Я дорисовал на противоположном краю мира полосу песка, лазурное море, пальмы из светящегося янтаря. Место для отдыха души.

Но мир ведь не должен быть одиноким. Я набросал величественное здание из светлого камня на вершине холма. Башни, мосты, внутренний двор. Получилось что-то вроде замка. Пока он пустой, но готов принять друзей.

Теперь — жизнь. Я вспомнил Бурана и представил тёплый комочек на пороге домика. Не просто кошка. Воплощение Альди, бессмертный дух дома и хранитель очага. Назову тебя в честь своей страны — Альди.

В небе на чертеже появились гигантские силуэты, небесные левиафаны. Они парили высоко, оставляя за собой радужные шлейфы. Я мысленно прошептал в проект: «Исполняйте простые желания чистых сердец». Они кивнули.

У подножий гор возникли исполины с лазурной чешуёй, драконы безмятежности. По их спинам и бокам стелился мох. Живые колонны, державшие небо и стабильность мира.

В сугробах застывшего света проявились пушистые снежные комочки с большими тёмными глазами — снежные миротворцы. Они оставляли светящиеся следы на снегу. Наступишь — почувствуешь чужую радость. Его слеза была жидким временем. Касание — пять минут счастливейшего воспоминания.

Вокруг точки, где стоял я, на чертеже зажглись крошечные, невероятно яркие искорки. Стустки концентрированного света. Они вибрировали теплом и абсолютной безопасностью. «Моя стража. Лекари души. Защита от тьмы внутри и снаружи, — подумал я. — Вы будете блёбы. Не знаю, что вы тут делаете, но вы смешные».

Я шагнул и оказался вновь в пустоте. Моё сознание вновь принялось создавать.

Нужны были ряды биокапсул — стеклянные цилиндры в стерильном свете, наполненные изумрудной жидкостью. Регенерация. Клонирование. Творение жизни.

Всегда мечтал о суперкомпьютере, который сможет всё. Я создал первичный центр серверов. От него исходили потоки информации в другие блоки. Представил ещё пять блоков. Первый был гигантским квантовым отсеком. Второй представлял из себя союз нескольких нейросетей, во главе которых стоял Камушек. Третий — живой организм, достигший максимального развития: на его ДНК я потратил многие десятки лет в этой пустоте, так что, надеюсь, оно того стоит. Четвёртым блоком были стандартные электрические серверы, которые обрабатывали безумное количество данных. Вот он — СКНБЭК: мой суперквантовый нейробиоэлектромبيوتر. Разместил и улучшенную версию ГН-структуры, которую подсоединил к СКНБЭКу.

Далее — генератор антиматерии: гигантская структура, которая вмещала в себя невообразимо сложный механизм. Активирую его — и энергия, вырабатываемая этим генератором, впитывается в меня, усиливая. Долгое время я не мог его сбалансировать, всё время происходили маленькие взрывы, нарушающие структуру механизма. Но, использовав бестерий, я наконец смог добиться стабильности.

Для всего этого нужно колоссальное количество энергии. Чтобы выработать её, я создал нейронную звезду — она будет поглощать мысли биологических организмов, конвертируя их в энергию. На это я потратил ещё с десяток лет.

Я вновь шагнул. Наконец работа в этом слое была завершена. Около полувека я промаялся над разработкой всех машин. Природу создавать было более приятно. Теперь последний шаг — Хаос-слой. Там пространство искривилось, образовав бесконечную арену. По её краям выросли грозные турели и платформы со странным оружием. Место для битвы.

Я окинул взором весь свой чертёж: лес, домик, горы, существа, Технослой, Хаос-слой. Каждая деталь была продумана, прочувствована, желанна.

«Ну, начнём», — радостно отдал я команду наночастицам, и потоки роботов потекли по всему проекту.

Но радость длилась недолго: потоки роботов всё лились из меня, а вот чертёж не хотел становиться реальностью. Спустя часа два они только приступили к работе, а ещё через час была создана одна ель из природного слоя. Странно. Почти любой проект за такое количество времени мне уже удавалось завершить, но здесь что-то поменялось. Озеро — мерцающая лужа. Драконы — силуэты в тумане. Скорость — как у улитки. Почему?! Я создавал звёздные системы быстрее.

Меня посетила мысль: а что, если сюда проникнет кто-то, кто желает зла? Я создал границу. Она возникла вдалеке — непроницаемая завеса из чистого бестерия. Не стена, а абсолютное правило: вход только по воле создателя. Мир был запечатан. Крепость души.

Я стоял на пороге своего неосязаемого деревянного домика. Переступил порог. В кабинете, на дубовом столе, лежала толстая книга в кожаном переплёте. Она была выполнена в египетском стиле. На ней виднелась надпись: «Хеопс. Автор: DrBereby».

Чертёж Альди-кошки запрыгнул на стол и хотел ткнуться мокрым носом в мою руку. Блёбы мягко сияли. Камин потрескивал.

Что здесь делает книга? Я её не писал, не создавал, даже не думал о ней. Открыв, понял, что она совершенно пуста, лишь на последней странице виднелась надпись: «Рано».

Я посмотрел в окно на первую ель, на полупрозрачный чертёж глади озера, на исполинскую фигуру дракона у гор. Вне этого мира ждали враги. Дан. «Нано-Блест». Тень над Альди.

Я создал этот мир из пустоты. Теперь он был моей крепостью, моим убежищем, моей неоспоримой силой. Дверь в домик была захлопнута. От всех. Ключ был не в жесте, а в самой сути моего существа — в силе, которая превратила ничто в дом.

Пора. Я сделал комбинацию пальцев. Мир дёрнулся, и меня выкинуло обратно в лабораторию. Ноги подкосились — я успел опереться на стену. Дыхание было рваным, в ушах звенело. Десятки лет, сжатые в секунду, давили на сознание.

— Ну как? — голос Игоря будто издалека.

Я слотнул, пытаясь собрать мысли в кучу.

— Сколько меня не было? — выдавил я.

— Для меня ты исчез и появился. Мгновение. В измерении время течёт иначе.

— Я там где-то лет шестьдесят провёл, по ощущениям.

— Оно находится вне времени и пространства... И полностью подчиняется тебе, так что ты можешь там делать что хочешь.

— Я спроектировал всё, что мне необходимо, но воплотить всё быстро не вышло.

— Да, это займёт очень много времени. Твоё измерение находится вне Мультивселенной, наночастицам намного тяжелее создавать и генерировать материю. Теперь приступаем к последнему этапу. — Нейрочип на его ухе засветился. Он помолчал, видимо отдавая какие-то команды, а затем продолжил: — Сделай комбинацию пальцев, а затем в образовавшееся кольцо направь все свои силы.

Я сделал, как он сказал, — и голубой поток устремился в кольцо. Видимо, кольцо было порталом, и поток отправлялся напрямиком в измерение.

— И сколько туда нужно влить?

Игорь вздохнул.

— Почти всё.

— В смысле почти всё?!

— Ну а ты хочешь ждать сотню с лишним лет, пока его строят наночастицы?

— Нет.

Я отдал мысленную команду Камушку:

— Направь автоматический поток силы в этот портал. Где-то 99,8%.

— Принято.

В течение пяти минут я наблюдал, как все мои силы буквально тают на глазах. Когда этот процесс завершился, спросил Игоря:

— И через сколько времени мне наконец будет доступно измерение?

— Примерно через пять лет. И, кстати, как ощущения?

— Сколько?! — Я сел на диван. — Ощущения непривычные. Я уже привязался к своим гиперчувствам и усиленному восприятию. Что я могу?

— Ну мало что по сравнению с тем, что мог. Из барьеров доступны лишь кинетические, поглощающие и магические. Про сложные манипуляции материей забудь. Максимум — можешь создать небольшое строение. Из спецсил доступны расщепление и распознавание правды на квантовом уровне. Остались Камушек и телепортация на короткие расстояния. А, ну и базовые навыки, конечно: сверхчеловеческие способности, мысленные команды и так далее.

— А что насчёт стадий?

— Они недоступны. Теперь ты всегда на максимуме. Но зато после окончания строительства измерения, помимо двух основных (Повседневность, Сверхрежим), появятся три новых: Межгалактический, Предпредел и Предел.

— А что за последний?

— После семи минут в Предпределе — новом режиме, в котором работает генератор антиматерии, — ты попадаешь в Предел: в течение одной секунды исполняется одно твоё желание в рамках боя.

— Ладно, даже с таким набором я — это всё ещё я.

— И ещё кое-что...

Он начал рассказывать про адаптационный период и временные неудобства, но слова уже пролетали мимо. В ушах звенело от тишины внутри, оставшейся после потери сил. Я подошёл к окну. За стеклом сто тридцатого этажа «Омеги» Конвитуо зажигал вечерние огни. Город жил. Его хрупкая ткань нуждалась в защите, которой я не мог предоставить. Как мне защитить Альди с барьером, который с трудом выдержит пару ракет? С телепортацией на пару кварталов?

— Дан... — произнёс я вслух, прервав Игоря. Мой голос прозвучал как скрежет камня. — Он знает, что я слаб.

Игорь замолчал и взглянул на меня. В его глазах мелькнуло то, что я ненавижу больше всего: жалость вместе с научным интересом.

— Дан знает только то, что ты заплатил за проект, — осторожно поправил он. — Он не знает ни о самом проекте, ни тем более о текущем... дефиците. И, кстати, с чего ты решил, что тот человек в кафе был сотрудником «Нано-Блест»?

— Это очевидно: марка оружия охранника принадлежала одной из военных компаний, которой владел «Нано-Блест». Поэтому оно не выстрелило в нужный момент. А также недавно они запатентовали телепортацию без каких-либо визуальных проявлений — якобы для разведки наших вооружённых сил.

Внизу мигал голосилуэт рекламы «Нано-Блест». Я посмотрел на красочный город. И ко мне вернулась уверенность.

— Дан и «Нано-Блест» для меня мелкие сошки. Точнее, были ими. Сейчас, скажем, я дал им шанс. Можно даже сказать, дал время раскошегаться. Они думают, что манипулируют мной. — Мои глаза зажглись холодным огнём азарта. — Ты даже не представляешь, какую игру ты начал, Дан.

V

— Итак, Камушек, начнём тренировку. Коэффициент сложности установи на двадцать процентов.

— Принял вас.

Я находился на тренировочной арене с целью узнать мои оставшиеся боевые навыки. Была уже поздняя ночь, и Ния, сидя на трибунах, уже давно спала, превратившись в кошку, свернувшуюся клубочком.

Тишину нарушили свист энергосфер и скрежет клинков. Передо мной появился Камушек в боевой форме — не голограмма, а компактный дрон-симулятор в ослепительно белой броне. За его спиной парили три пульсирующие энергосферы, излучающие низкое гудение. Он бросился вперёд без предупреждения. Лезвие плазменного эмиттера в руке — фиолетовый полумесяц смерти.

Я сгенерировал меч — не прежний клинок, а грубый сгусток сжатого воздуха. Блок! Удар отбросил меня на шаг. Второй удар — ниже, в живот. Уклон! Рефлексы работали, но тело двигалось с досадной инерцией. Вот он — момент. Когда Камушек в очередной раз хотел ударить, я телепортировался ему за спину и нанёс сокрушительный (по моему мнению) удар. Но щиты Камушка даже не дрогнули.

— Хех!

Я разогнался до звуковой скорости и наносил быстрые и точечные удары. Камушку удавалось их все блокировать. В очередной раз, когда я нанёс удар, произошёл взрыв — барьер Камушка сломался. Одна из его энергосфер отделилась и врезалась в землю, трансформировавшись в турель. Металл вздыбился — выросла двуствольная пушка. Через миг — ливень плазмы! Сотни раскалённых сгустков залили арену. Я нырял, перекатывался, но щиты трещали под ударами.

— Целостность барьера: 13%... 11%... 9%... — Голос системы резал уши.

Каждый пропущенный снаряд прожигал силовое поле, оставляя дымящиеся вмятины на тренировочном костюме.

— Ну а если серьёзно, я...

Технокостюм переключился на боевой режим. На плечах возникли две мини-пушки — ответные выстрелы встретили плазму Камушка. Манжеты засветились гравитационным свечением — следующий удар с разворота, усиленный давлением в 100 G, заставил Камушка отшатнуться.

Турель, которая всё это время так старательно пыталась меня задеть, я стёр в порошок с помощью расщепления. Руки вдавились в пол — корни-шипы из синтетического полимера взметнулись, опутав дрон. Он завис на миг...

Белая броня рванула оковы. Над Камушком вспыхнула вторая сфера — теперь она парила над ним, излучая холодный интеллект.

— Предсказание атак с точностью 98,7%, — предупредил ИИ.

Два плазменных луча — один в голову, второй в ногу — выстрелили из моих ладоней. Сфера мерцала. Камушек ушёл с траектории на сантиметры, а его клинок...

Пробоина в барьере! Эмиттер прошёл в сантиметре от артерии — тренировочный костюм дымился. Боль острая, человеческая.

Я отлетел, чувствуя предательскую усталость в мышцах. Камушек не давал передышки.

— Активация: рой «Скорпион», — прозвучало, и из стен арены высыпали сотни микродронов. Они заполнили воздух: туча жужжащих игл, каждая — с зарядом тренировочной плазмы.

Мои турели на плечах захлабывались, сбивая десятки, но не сотни... Иглы жалили в спину, руки, ноги. Барьер рухнул. Боль стала огненной сетью.

— Да что ж такое!.. — выдохнул я сквозь зубы.

Рывок на двадцать метров. Рука прижата к ране на боку, начался процесс регенерации. Пока есть время, надо восстановиться.

Очнувшись после трансформации, Ния сонно наблюдала, как я вожусь с Камушкой. «Его движения и удары всё ещё точны и смертельно опасны для любого живого организма, — думала она. — Но скорость — как у обычного мастера искусств, а не полубога. Тем более двадцать процентов сложности — это детский режим». Ей было забавно наблюдать, как я с уверенным лицом наношу удары, требующие невероятной силы, которой у меня нет.

Ния зевала, чувствуя вибрации ударов на арене. «Раньше это место было бы уничтожено в пыль, случись тут его сражение. Хорошо, что он не сломался. Хотя что ему ломаться? Он до сих пор невероятно силён. Плохо, что не понимает: Дан не будет играть по правилам».

— Будет, куда он денется.

Она повернула голову. Прямо передо ней лежал я. Увидев её растерянность, пояснил:

— Я клон. Я отдыхаю.

— Но ведь... — Ния нахмурилась, пытаюсь сопоставить бога на арене и это развалившееся на трибуне тело.

Клон лениво зевнул, даже не открывая глаз.

— А мне лень сражаться. Пусть вот он бегаёт. — Он мотнул головой в сторону арены. — А я полежу пока.

Ния посмотрела на арену: там раненый я стоял, держа одной рукой кровоточащую рану. Мои глаза пылали. Но тело не могло уже исполнить волю мозга. Камушек стоял напротив. Его белоснежные доспехи были слегка помяты и испачканы.

— Давай, закончи начатое, — произнёс настоящий я.

Камушек занёс оружие для удара и резко получил удар в тело. Мой кулак пронзил его насквозь. Однако манипулятор робота завершил дело: клинок коснулся шеи, имитируя смертельное попадание.

— Ура! — порадовался Камушек. — Я победил! Впервые.

— Запиши это в свой лог. Назовём «День, когда железка обставила бога». И больше не упоминай, — устало сказал я и повернулся к своему клону. — Эй, ты, пойдём!

Мой клон возле Нии подбежал ко мне.

— Ния, догоняй!

Огни погасли, и арена погрузилась в мрак. Лишь Камушек одиноко мигал лампочкой, радуясь первой победе, которую ему просто позволили.

VI

Тишину нарушал только мерцающий голоэкранный логотип ИТ ICE. Напротив — бледное лицо менеджера Келлса, директора шахтёрского комплекса на Цме-Су.

Я сидел в кресле. Пальцы сжаты в замок. Каждая мышца всё ещё ныла после десятой тренировки с Камушкой. Сложность смог повысить до двадцати пяти процентов, но дальше было уже невозможно. Ограниченные ресурсы. Ограниченные силы. И вот это.

— Как это понимать? — Голос прозвучал тише обычного. — Все дроны просто взяли и... отключились? Без сигнала тревоги? Без перегрузки сетей?

На экране Келлс нервно кивнул. Капли пота блестели на висках.

— Да, DrBereby. Три часа назад. Сначала — рой землеройных дронов в шахтах залива Вечной тени. Как будто кто-то глушил дронов мощнейшими ЭМИ-установками. Будто... выключили рубильник. Через час пропала связь со штабом «Горизонт» на поверхности. Ни SOS, ни аварийных маяков. Тишина.

Я перевёл взгляд на боковой экран: «Цме-Су — планета-карлик с богатой природой. Местное население: присутствует. Ценность: редкоземельные минералы, домены и мрасселы, важные для телепортов, военной промышленности и передовых систем логистики. Добыча: полуавтоматизированная группа дронов под контролем ИТ ICE, а также специализированные мелкие организации и кладоискатели».

— Агентов посылали? — спросил я, уже зная ответ по дрожи Келлса.

— Конечно. Два отряда «Асмодея» и один отряд «СаМУРаев». С полным сканирующим арсеналом, глушилками, щитами. Вошли в зону через шахту «Главная жила»... и исчезли. Ни сигнала. Ни обломков. Ни тел.

Слова о жертвах вновь иглами вонзились мне в сердце, но я их подавил.

За окном кабинета Конвитио сиял безмятежными огнями. Здесь — порядок. Там — за несколько световых лет на Цме-Су — что-то выключило технологии уровня ИТ ICE и поглотило два отряда опытных бойцов, да ещё и элиту в придачу.

— Камушек, выведи изображение камер с шахт, — приказал я.

— Одну секунду. Камеры уничтожены, создаю новые. Готово.

На экране возникло изображение: шахта «Главная жила». Стены и потолок были покрыты... наростом. Чем-то стекловидным, тёмно-фиолетовым, испещрённым жилками тусклого света. Оно пульсировало. На полу валялись несколько дронов-разведчиков первого отряда — их корпуса были оплетены теми же фиолетовыми щупальцами.

— Камушек, увеличить изображения входа вон в то помещение.

— Сделал.

На стене в гуще нароста работали нанороботы. Они ремонтировали вход. Когда завершили, волна исчезла, и на вновь появившемся слое материала вырисовался логотип «Нано-Блест».

— Они... — прошептал Келлс. — Но как? Цме-Су — наш сектор. Системы защиты...

— Были, — оборвал я. — Пока вы не связались со мной, у них были сутки тишины, за которые они могли делать что угодно.

— DrBereby, что делать? — В голосе Келлса звучала мольба. — Весь персонал эвакуирован на орбиту, но...

— Орбиталка ещё на связи?

— Пока да, но всё же...

— Немедленный уход станции на высокую орбиту, никаких зондов и сообщений. Архивируйте все данные, полученные за последний месяц. Отправьте их в «Хеопс».

— Куда отправить?

— Новое государственное хранилище. Меньше вопросов — больше дела.

— Но как же шахты, оборудование, миллиарды инвестиций...

— Скажи, Келлс, ты жить хочешь?

Он замолчал, сглотнул и отключился. Я набрал Нию.

— Ния, привет. Собирай вещи, мы едем на твою родину.

— На мою родную планету?! — не поверила она. — Я уже, я мигом.

Дверь в мои апартаменты распахнулась прежде, чем я успел к ней подойти. Ния стояла на пороге. Её обычный безупречный белый боевой костюм сменился практичным комплектом из плотной тёмно-серой ткани. На поясе — изогнутый клинок в простых ножнах. На плече перекинута компактная сумка из грубой материи, похожей на кожу рептилии. Но больше всего поражали глаза: золотистые зрачки, обычно спокойные или острые в бою, сейчас горели диким, почти животным волнением. И... страхом? Глубоко запрятанным, но знакомым мне по сотням сражённых врагов.

— Готова. Мигом — это не фигура речи. Что там, на Цме-Су?

Я кратко изложил суть: молчание шахт, пропавшие отряды, фиолетовый нарост, логотип «Нано-Блест» на стене. Её хвост нервно дёрнулся, когда я упомянул кристаллические щупальца.

— Серые слизни... — прошептала она почти неосознанно. — Но... они же примитивные. Планктон глубин. Не могут... так.

— Уже смогли, — жёстко парировал я. — Если кто-то их... модифицировал. Натравил. «Нано-Блест» явно нашли ключ к биосфере твоей планеты. Или к её недрам. Цме-Су — лишь плацдарм, пробный шар. Твой мир — настоящая цель. Домены и мращелы на Цме-Су — ценны, но твоя родина... — Я посмотрел ей прямо в глаза. — Там есть что-то уникальное. То, что «Нано-Блест» хочет контролировать любой ценой. Или уничтожить. Самое невообразимое — то, что закон позволяет это. Если не вдаваться в юридические детали, то он звучит примерно так: «Если другой может сделать лучше, никому не навредив своими действиями, то он имеет право это сделать». Или: «Если организация может справиться с задачей лучше, то права переходят ей». Это «Золотая спираль» — идеальная схема по управлению экономикой. «Нано-Блест» воспользовались этим и создали условия, в которых работал этот закон. Скажи, что есть на твоей планете, что могло так сильно заинтересовать «Нано-Блест»?

— Скорее всего, Ихорий, который содержится в ядре планеты.

— Ихорий?

— Да, «кровь богов».

— И чем же он их так заинтересовал?

— Не знаю. Свойства Ихория почти неизвестны, так что можно только гадать. — Она задумалась. Её взгляд устремился далеко за пределы моего понимания. Затем она дёрнулась. — Как летим? Телепорт? Обычный полёт?

Я усмехнулся без веселья.

— Мои возможности межзвёздных прыжков остались в прошлом. Летим вот на этом красавце. — Я щёлкнул пальцами, переместив нас на аэродром. Перед нами предстал мой личный временный корабль. — Вот он, мой красавец.

Корабль, сошедший со стапелей специального проекта «Тень», был шедевром скрытности и выживания. Форма — угловатый параллелепипед с покрытием, пожиравшим сканы и свет. Силовое поле — не щит, а рассеиватель, превращающий попадания в безвредные всплески частиц. Вооружение — пара малозаметных лазерных точек против микрометеоритов.

Внутри — спартанская чистота: два кресла пилотов с нейроинтерфейсом, спальня отсек, мини-лаборатория для анализа образцов, медотсек и мощный квантовый коммуникатор, замаскированный под систему жизнеобеспечения.

Пока Ния проверяла системы через нейроинтерфейс, я связался с Игорем. Его голограмма, мерцая над запястьем, выглядела ещё более измождённой, чем обычно.

— Береби? Что случилось... — начал он, но я его прервал:

— Цме-Су. «Нано-Блест». Полный захват шахт Вечной тени. «Асмодеи» и «СаМУРаи» — ноль контакта. Используют какую-то биокристаллическую субстанцию. Напоминает местную фауну, но усиленную до невозможного. Ния говорит, похоже на серых слизней.

Игорь удивился.

— Кто их так назвал? Субстанция ведь фиолетовая. Но, по моим данным, они даже огня боятся... Это... нанороботы? Биомодификация на лету? Генная инженерия в реальном времени?!

— Скорее симбиоз всего сразу, — предположил я. — «Нано-Блест» играет с огнём, который не может контролировать. Мы летим на родину Нии. Это их цель. Ты делаешь следующее. «Хеопс»: все данные с Цме-Су, все архивы ИТ ИСЕ по планете, всё, что найдёшь про серых слизней и аномалии родного мира Нии, — загружай в хранилище. Ключ доступа — только у меня и тебя. Дублируй на физические носители и закопай в месте, которое знаешь только ты. Мониторинг: всеми скрытыми каналами следи за Цме-Су. Любое движение «Нано-Блест», любая попытка вывоза ресурсов или запуска зондов к планете Нии — фиксируй. Не вмешивайся. Протоколируй. Лаборатория: анализируй любые образцы той субстанции, если они есть в открытых сетях или у доверенных агентов. Ищи слабые места, частотные резонансы — что угодно. Особенно — связь с нанороботами. «Домик»: мониторь стройку. Если скорость синтеза упадёт ещё на 0,1% или появятся аномалии в структуре — немедленный сигнал. «Нано-Блест» может атаковать и там. Конвитио: усиль негласную охрану ретрорайонов, особенно «Старого двора». После вчерашнего... они могут ударить по тому, что для меня важно, чтобы выманить.

Игорь быстро записывал мысленные заметки, его нейрочип мигал жёлтым.

— Понял. Будет сделано. Береби... — Он колебался. — Ты уверен? С твоими текущими силами... и против этого?

— Уверенность — роскошь, — ответил я. — Есть необходимость. И Ния. И Камушек. Этого пока хватит. Работай, Игорь. От твоих данных может зависеть многое.

Разрыв связи. В кабинете снова тишина. Я подошёл к сейфу, замаскированному под панель стены. Биометрия. Сейф открылся беззвучно. Внутри — не оружие и не богатства. Небольшая коллекция артефактов из разных миров: камень с гравитационной аномалией, кристалл с застывшим светом давно погибшей звезды... и простая керамическая чашка из «Старого двора». Я взял чашку. Грубая глазурь, неровный ободок. Напоминание о ткани. О том, что защищаю.

— Родной мир... — Ния смотрела на звёздную карту, где мигала удалённая точка. — Зовётся Ше'Эрр. «Колыбель теней» в переводе. Должна предупредить, Береби: там... не как здесь. Законы физики — тоньше. Реальность... ближе к Хаос-слою твоего измерения. И люди... — Она замолчала, подбирая слова. — Мы не доверяем чужакам. Особенно таким... ярким, как...

— Я прикроюсь тенью, — пообещал я, активируя системы маскировки корабля на полную мощность.

Снаружи корабль уже должен был стать почти невидимым — мерцающей дымкой на фоне звёзд. А яркость... приберегу для Дана и его слизней.

— А как называется твой клан? — спросил я, запуская корабль.

— Шер, — ответила она.

— В честь планеты, наверное?

— Вроде того.

Старт. Начался запуск прыжкового двигателя. Я задержал дыхание.

Корабль оказался в атмосфере планеты. Даже с такой высоты виднелись величественные озёра, подобные расплавленному сапфиру. Леса были густыми, но не зелёными — их листва переливалась всеми оттенками изумрудного, чёрного и глубокого индиго. Скалистые горы вздымались к небу неестественно острыми пиками. Воздух за иллюминатором был густым, влажным, и казалось, даже через броню корабля доносится запах влажной земли, древнего камня и чего-то... электрического, живого.

— Колыбель... — прошептала Ния, прижав ладонь к холодному стеклу. В её голосе не было радости. Только горечь и ярость. — Смотри... Видишь?

Она ткнула пальцем вниз. На фоне изумрудной чаши леса, на склонах ближайших гор, у берега одного из сапфировых озёр — пятна. Фиолетовые. Как лишайник, но пульсирующий. Как кристаллы, но явно органические. Они росли, расплзались. Серые слизи. Заражение уже пустило корни. В некоторых местах виднелись обугленные участки — следы бомбардировок или отчаянного сопротивления местных. Но слизь ползла дальше.

Корабль с глухим скрежетом двигателей плюхнулся на изрешечённую выбоинами посадочную полосу базы «Горизонт». Когда-то это был передовой форпост ИТ ИСЕ: ангары, сенсорные вышки, ремонтные доки. Сейчас ничего этого не было, техника отсутствовала, персонал — тоже.

Мы вошли на базу. Внутри царил хаос.

— Камушек, анализ местных геостроений. И выведи карту местности, пожалуйста.

— Доступ запрещён.

— Взломай тогда. Или материализуй дронов.

— Сделаю.

Неожиданно индикатор на замке двери загорелся зелёным: сейчас кто-то войдёт. Я отдал мысленную команду, которая сделала нас невидимыми, и мы спрятались за перевёрнутым столом.

— По условиям договора, ты не имеешь права знать, — сказал входящий работник «Нано-Блест».

— Да плевать мне на договор! — Второй сплюнул. — Я тут жизнью рискую из-за какой-то... «крови богов»?

Первый усмехнулся:

— Умный, значит. Ладно. Скажу одно: эта «кровь» — не миф. И когда она попадёт в нужные руки... — Он не договорил, многозначительно замолчав. — Кажется, мы здесь не одни.

Он нажал на кнопку на бедре костюма. Обычная деловая одежда сменилась белым боевым одеянием, похожим на то, в которое была облачена Ния.

— Откуда у них технология моего костюма? — спросила она по закрытому мысленному каналу.

— Украл. Данные о нём содержались в базах данных на планете, так что это не удивительно. — Я усмехнулся. — Но, видимо, мозгов у них не так много, раз они так странно организовали симбиоз между костюмом и человеком. Да и в принципе этот костюм раз в десять-пятнадцать хуже твоего по всем параметрам.

Работник тем временем сканировал помещение. И это было главной его ошибкой: невидимость почти невозможно опознать сканерами. Особенно такую продвинутую, которую предоставляет ИТ ИСЕ или ГН-структура. Зато её намного легче заметить невооружённым взглядом. Почти сразу увидишь вибрации в воздухе, что и выдаст невидимость.

Работник, который уже сделал кругов пять и до сих пор не обнаружил чего-либо подозрительного, облегчённо вздохнул.

— Смотри! Там какое-то движение! — сказал его друг.

Тот резко вскинул пистолет и направил его в нашу сторону. Ния в ответ молнией метнулась к нему и подставила свой клинок ему к горлу.

— Хим! — вскрикнул другой. Он пугливо оглядывался в поисках новой угрозы, но, не обнаружив её, заорал во всё горло, привлекая внимание.

— Заткнись! — Ния метнула в него предмет, который я вновь не успел разглядеть, и противник моментально обмяк.

— Грок, чёрт... Убью, скотина.

Хим, ударив Нию в пах, отскочил на пару метров. Телохранительница в ответ яростно бросилась на него. Её движения были наполнены техникой и силой, удары же были точны и опасны.

Хим, уверенный в успехе своего подлого удара, только начал разворачивать пистолет для контрольного выстрела. Он не ожидал такой скорости. Её когти не просто пробили его дешёвый белый костюм — они прошли по швам, по стыкам пластин, там, где защита была тоньше, как горячий нож по маслу. Три глубоких параллельных разреза расплосовали его грудь и предплечье. Из них хлынула алая струя. Пистолет с грохотом упал на пол.

Хим захрипел, отшатываясь. Его лицо исказилось от шока и боли. Костюм зашипел, пытаясь герметизировать раны, но Ния не давала ни секунды. Её нога взметнулась вверх в молниеносном ударе с разворота. Ния ударила ногой по лицу Хима, а область ноги, с которой соприкоснулось его лицо, была раскалена до высоких температур. Зубы с хрустом сомкнулись. Голова запрокинулась. Он рухнул на спину как подкошенный, закашлявшись кровью.

— Ты... зверь... — булькнул он, пытаясь ползти назад, к упавшему оружию. Его глаза, полные животного страха, метнулись к Гроку, но тот лежал без движения.

Ния наступила ему на грудь, прямо на раны. Он завыл. Её изогнутый клинок коснулся его горла, оставив тонкую красную ниточку пота.

— Гораздо хуже. — Её голос был ледяной сталью, без тени эмоций. — Я гнев Ше'Эрра. Для чего вам нужен Ихорий? Говори — и умрёшь быстро. — Она повернулась ко мне и вдруг крикнула, не отводя взгляда от Хима: — Береби, они идут! Чувствую шаги! Десятки! С восточного коридора!

Хим, услышав это, выдавил кровавую ухмылку:

— Слишком... поздно... Полубог... «Очиститель»... Активируют...

В этот момент завывала сирена — не локальная тревога, а мощный, леденящий душу гудок, идущий сверху, с орбиты. Свет на разгромленном складе погас, сменившись аварийным красным мерцанием. На стенах заплясали тени.

«Ага, конечно», — пронеслось в голове. Пока плазменный луч «Очистителя» приближался к зданию, я вытянул руку вверх. Волна серебристой пыли рванула от пальцев, сгущаясь в непроницаемую сферу вокруг всего здания. База «Горизонт» на мгновение исчезла в мерцающем коконе, превратившись в неприступную, но временную крепость. Гул «Очистителя» стал приглушённым, далёким воем.

В этот момент связь прорвалась сквозь помехи — раздался резкий сдавленный голос Игоря, перекрывая фоновый треск:

— Разработал план. По «Нано-Блест». Слушай!

— Выкладывай, — бросил я коротко, взглядом сканируя купол на предмет слабых точек.

Ния метнулась к окну, прижала Хима ещё сильнее и, зашипев, наложила защитный барьер. Игорь выпалил, торопясь, будто боялся, что связь оборвётся:

— У Дана... дочь. Мура. Университет, третий курс. Ты должен втереться в доверие, завязать отношения...

— погоди. — Мой голос резко оборвал поток. Кажется, я догадывался, чего он хотел. — Ты предлагаешь мне... влюбить в себя девчонку, которая младше меня раз в пять? Использовать её чувства как рычаг против её отца? — В глазах вспыхнуло давнее глубинное отвращение к таким методам, к самой необходимости их рассматривать. — Это грязно. — Рука инстинк-

тивно сжалась в кулак. — Мне проще перебить всех в этой проклятой компании прямо сейчас. Начиная с тех, кто за дверью.

Игорь не сдавался. Его голос стал жёстче, настойчивее, но сохранял терпение адвоката, доказывавшего неопровержимое:

— Понимаю твоё отвращение, Бураребушка. Но посмотри на факты! Во-первых, законность их действий (пока что!). Ты сам выковал «Золотую спираль». Они играют по нашим правилам — мастерски! Контракты, лицензии, лазейки... Они не орки с топорами, они тени в системе! Перебить всех — значит самому стать вне закона, разрушить порядок, который ты кровью отстаивал. Тебя назовут тираном. Начнётся хаос. И Дан только руки потирать будет!

Я молчал, наблюдая, как очередная плазменная вспышка «Очистителя» расплывается по куполу мёртвым светом. Щит держался, но каждая атака отзывалась тупой болью в висках — напоминание о дефиците сил.

— Во-вторых, масштаб! — Игорь почти кричал в канал. — Это не сотрудники, это конгломерат! Тысячи, миллионы! Шахтёры, инженеры, юристы... Большинство — винтики. Они понятия не имеют о слизи или о других грязных делах Дана! Уничтожить «Нано-Блест» — это геноцид невинных и коллапс экономики Альди! И в-третьих, Дан! — Голос Игоря стал шёпотом, полным ледяного предупреждения. — Он не дурак. Его штаб — призрак. Охрана — элита. Возможно, уже заражённая этой слизью. Прямой удар? Это война в городе! Непредсказуемые жертвы. Риск, что он нажмёт кнопку — и Цме-Су сгинет! Или Конвитио атакуют! Он ждёт твоей грубой силы. Это его ловушка!

Я сжал кулаки так, что костяшки побелели. Голос, когда я заговорил, был низким, опасным, с едва сдерживаемой яростью:

— Так что, по-твоему, манипулировать невинной девушкой — это чище? Использовать её как пешку против её отца? — От одной мысли во рту стоял вкус жёлчи.

— Не манипулировать чувствами! — Игорь поправил резко, почти отчаянно. — Втереться в доверие. Стать для Муры... значимым человеком. Союзником. Альтернативой. Слушай план! — Он затараторил, выкладывая детали, как карты на стол, пока время работало против нас: — Легенда: ты — Льди Моникл. Успешный инженер в deer-tech, низкий профиль, корни... Скажем, из столицы. Твой интерес к Муре — не романтический (заруби это!), а профессиональный. Интеллектуальный. Она на третьем курсе... Узнаешь специальность — свяжешь с твоими реальными знаниями. Тот же университет, что ты обновлял, — твоя площадка! У тебя есть проект... Стартап... Инициатива. На стыке её интересов и... чисто случайно... областей, где «Нано-Блест» копают своё грязное дело. Биостабильность? Управление нанороями? Защита от экзозагрязнений? — Он явно намекал на слизь. — Ты ищешь талантливого стажёра. Консультанта. Просто умную голову для дискуссий. — Игорь говорил быстрее, будто видел сцену перед глазами: — Сближение: лекция приглашённого эксперта (ты блисташь!). Случай в библиотеке или лаборатории. Научный кружок. Говоришь о её учёбе, проектах, амбициях. Искренне интересуешься её мыслями! — Он сделал акцент. — Её ум — окно в мир Дана, а ты... Ты умеешь ценить интеллект. Предлагаешь ресурсы, связи, мудрость. Становишься наставником. Другом. Авторитет и доверие — да. Раскрытие правды: не говори ей про отца! Наводи на вопросы. В разговоре о её работе или твоих гипотетических проектах «случайно» упомяни аномалии — где-то далеко: Цме-Су? Слизни? Фиолетовый нарост. Техника глохнет. Поделись озабоченностью из надёжных источников: некая корпорация, запрещённые биотехнологии. Покажи косвенные данные, аналитику, снимки — причастность структур, связанных с «Нано-Блест». Не Дан! Не прямо! Задай ей вопрос: «Этично ли с такой силой ставить опыты над целыми мирами? Где грань, Мура, между прогрессом... и преступлением?» Разбуди её мораль! Её аналитику! Цель... — Игорь выдохнул, подводя итог: — Не сделать предательницей! Сделать её сомневающейся. Пусть сама задаёт вопросы внутри «Нано-Блест». Ищет правду. Говорит с отцом — слушает его оправдания (они будут слабы или циничны!).

Она станет нашим троянским конём — источником из сердца врага! По своей воле! Движимая своими принципами! И если Дан попытается её заткнуть, контролировать, это будет его агрессия против дочери! Тогда мы бьём открыто, по закону и морали!

Тишина. Лишь гул «Очистителя» за куполом и прерывистое дыхание Нии. План был грязным. Изошрённым. Но...

— Так... — Мои слова упали в тишину, холодные и обречённые. — Стать... призраком в её жизни. Тенью, что наведёт её на свет, сжигающий отца. Использовать её ум... её принципы... против её же крови... — Я медленно повернулся, будто Игорь стоял рядом. Его голограмма мерцала на запястье. — Это всё ещё грязь. Но... это не ложь о любви. Это война умов. Война воли. И шанс... дать ей выбор. — Мой взгляд стал стальным. — Шанс вырвать её из тени, в которую превратился её отец... Ладно. Готовь легенду. Всю. — Я сделал паузу, и в ней прозвучала угроза. Не крик, не рык — низкий, абсолютный тон, словно скрежет тектонических плит под чудовищным давлением. Каждое слово било, как молот: — Но запомни, Игорь: если из-за этой игры с тенью ей достанется хоть царапина... — В моих глазах вспыхнуло то самое древнее нечеловеческое пламя, которое видели лишь немногие свидетели моего истинного гнева. Оно отразилось в расширенных зрачках Нии, заставив её инстинктивно отступить на шаг. — То «Нано-Блест» покажется тебе детским утренником рядом с тем, что я обрушу на виновных. — Я сделал микроскопическую паузу, вгоняя последний гвоздь. — На всех виновных. И ты... в их числе.

Связь умерла прежде, чем Игорь успел вдохнуть для ответа. Резкий окончательный щелчок отключённого браслета прозвучал как хлопок дверью темницы. На запястье осталось лишь мёртвое стекло экрана. Голограмма Игоря, его открытый в немом возражении рот, его испуганно-напряжённый взгляд — всё исчезло, оставив после себя вакуум.

«Но пока...» — мысль пронеслась в моём сознании, как холодная молния, сжигая остатки сомнений. Я отвернулся от места, где только что висел призрачный неприятный разговор. Мой взгляд упал на Нию. В её золотистых глазах читалась ярость за родной мир, ожидание приказа и... тень понимания той цены, что я только что согласился заплатить. «Я всё-таки перебую тех, кто досаждают народу Нии», — мысль оформилась в решение. Это был не просто акт мести или очистка пути. Скорее глоток воздуха перед погружением в трясину лжи. Возвращение к своей сути защитника, пусть и на микроскопическом, кровавом уровне. Здесь и сейчас я мог действовать прямо. Честно. Пусть и жестоко.

Я встретился взглядом с Нией. Никаких слов не было нужно. Её едва заметный кивок, оскал, обнаживший клыки, и нервное вздёргивание хвоста были ответом. Её родина горела, её народ страдал — и я давал ей шанс на первую каплю отмщения здесь, прежде чем мы оба наденем маски.

— Скоро увидимся. — Эта фраза, брошенная в мёртвый канал связи, была адресована не Игорю. Это было обещание себе и врагам за куполом. Скорость, ярость, холодная точность — вот что ждало тех, кто осмелился вторгнуться на землю моей союзницы. А потом... потом начнётся долгая грязная тень по имени Леди Моникл.

Я вскинул руку. Серебристый купол наночастиц не рассеялся — он взорвался. Мириады осколков, каждый — смертоносное жало — рванул наружу. Ближайший сенсорный пост сложился с визгом рвущегося металла. Стена осыпалась. Двое солдат в белых костюмах у шлюза вздрогнули. Их броня вспыхнула дождём искр от сотен пробоин, и они рухнули как подкошенные.

— Контакт! «Альфа-1» пал! — донеслось, но я уже не слышал.

Я молнией рванул вперёд, выжимая предел своей нынешней скорости. Воздух ревел в ушах. Ближайший солдат только успел широко открыть глаза за визором — я уже был подле него. Комбинация начиналась: кулак в солнечное сплетение — воздух вырвался клокочущим хрипом. Локоть снизу в подбородок — визор треснул. Колено в пах — броня смялась. Его

костюм зашипел, замигали красные лампочки — медотсек упорно боролся за жизнь. Жалко. Правую руку — вперёд. Синий сгусток плазмы вырвался с шипением, выжигая дыру в груди прямо через треснувшую броню. Хрип. Готово.

Я повернулся. Картинка, конечно, адская: кругом с десятков солдат. Импульсные винтовки, ракетницы, бластеры — все стволы на мне. Лица за визорами — маски ярости. Жало «Очистителя» полыхало фиолетовым адом, нацеленным прямо на меня. Воздух трещал, пахло гарью и гибелью.

Они выстрелили все одновременно... Сотни снарядов: синие иглы, оранжевые шары плазмы, дымные трассеры ракет — и фиолетовая стена смерти от «Очистителя», заполняющая всё. Я уклонялся. Рывок влево — иглы просвистели в сантиметрах. Кувырок вправо. Но их было слишком много. Половина — попала. Кинетический барьер потерял около пятнадцати процентов. Плазма солдатского бластера прожгла наплечник, боль обожгла кожу, и началась регенерация. Тяжёлый толчок — ударная волна от близкого разрыва отбросила меня. К концу залпа уже тридцать процентов кинетического щита было уничтожено. «Очиститель» ревел, перезаряжая жало.

Я телепортировался к «Очистителю» — в мёртвую зону у его основания, где бился фиолетовый шар. Две гранаты сверкнули в руках. Я подкинул одну и ударил по ней ногой, словно по мячу. Граната полетела по дуговой траектории. Другую телепортировал прямо в гущу. Огненный шар поглотил троих. Щиты дрогнули у остальных. Мысленная команда: боевой режим. Технокостюм загудел. Фиолетовые линии зажглись по швам. Наплечные панели развернулись, открыв оружейные порты. Глаза зажглись пламенем смерти.

— Начнём веселье, друзья! — с безумием в голосе прошептал я.

Дым рассеялся. Большинство солдат стояли. Голубые силовые щиты выдержали взрыв, лишь потускнев. Ярость. Руки — вперёд, пальцы сжаты в кулаки. Я применил расщепление против «Очистителя». Мощный импульс ударил по молекулярным связям в основании жала машины смерти. Биокристалл треснул. Фиолетовая энергия брызнула фонтаном. Тварь взвыла, а её жало бессильно опало.

Я бросился на солдат. Сбив первого с ног подкатом, успел уклониться от очереди игл. Вскочив, нанёс сокрушительный удар снизу в челюсть следующему. Шлем слетел, солдат отлетел. Оборот на триста шестьдесят градусов — руки в форме пистолетов. Энергетические снаряды — ярко-жёлтые сгустки — рванули из ладоней и наплечников. Трое солдат, не успевших поднять щиты, рухнули с дымящимися дырами в броне.

На меня бросились ещё трое. Клинки, кулаки, попытка захвата. Я парировал ногами и руками. Локоть в горло — хрип. Колено в живот — стон. Захват запястья, рывок — щёлк вывиха. Почти всегда — два удара и конец. Но не идеально. Левый бок сковала острая боль: клинок солдата прошёл по касательной, разрезав костюм и кожу. Правую ногу обожгла плазма: щит не успел поглотить весь заряд. Я уклонялся, но атаки достигли цели. Адреналин глушил боль, но тело знало: оно уязвимо.

Последний солдат этой волны упал. Я перевёл дух, опираясь на колено. Грудь вздымалась, рукава костюма дымились, в ушах звенело. Последнее, что я увидел, — алый поток. Раскалённое вещество, как слюна адского пса, вырвалось из уцелевшей турели на спине полуразрушенного «Очистителя». Оно было уже в метре от меня. Слишком близко. Слишком поздно для уклонения. Я стоял.

— Ты спишь там, что ли?! Щиты на двадцать процентов! — прокричал Камушек прямо в сознание.

— погоди, выведи проценты слева сверху! — Мысль была тише, почти спокойной на фоне ужаса.

Я медленно развернулся к алому потоку. В левом верхнем углу зрения замигали цифры: 20,0%... 19,8%... 19,5%... Я стоял и смотрел, как жгучая адская слюна врезается в невидимую

стену. Она шипела бешено, как вода на раскалённой плите. Искры — яркие, злые — вырывались из точки контакта и гасли, как жизни. 18,2%... 17,0%... 15,5%... Стена слабела с каждой секундой. Её сопротивление ощущалось физически: дрожь в костях, давление на сознание. 12,0%... 10,1%... 8,7%...

И я почувствовал. Не боль. Не гнев. Страх. Древний, первобытный, забытый за века бессмертия. Страх небытия. Последние проценты поползли: 5,0%... 3,2%... 1,8%... Сотые доли: 0,55%... 0,23%... 0,07%... Каждая цифра — тиканье часов судьбы. Каждая доля секунды растягивалась в вечность. Алый поток был уже не потоком — он был всей Вселенной, неумолимо, неизбежно приближающейся, чтобы стереть меня в пыль. 0,01%... Искры погасли. Шипение стало предсмертным хрипом щита. Последнее мгновение длилось сотни часов.

— Ну ладно... — Я с трудом повысил регенерацию барьеров, и проценты щита поползли вверх. — Завершим начатое. И как ты только выжил после первого расщепления?

Я слабо взмахнул рукой — и вся техника, находившаяся в радиусе десяти километров, превратилась в прах, включая «Очиститель». Это должно было замедлить процесс добычи, а также обезопасить народ Нии. Сознание немного помутнело от такой нагрузки.

— Вау, вот это ты их!

Я устало повернулся к Нии. Она сияла. Её изумрудные глаза горели, как два солнца. Хвост бил радостную дробь по обломкам.

— Сначала — вжик, вжик! — Она изобразила руками молниеносные удары. — Потом — бам! Потом — тыщ, тыщ! — Пальцы сложились в подобие пистолетов, изображая энергетические залпы. Её переполняло чистое, почти детское восхищение. — Я обязательно должна познакомить тебя с моим кланом! Они, конечно... не очень любят чужаков. Тем более людей... — Её энтузиазм чуть поугас, взгляд стал осторожнее. — Ну ты сам понимаешь, из-за чего. — Но тут же вспыхнул снова: — Но ты им обязательно понравишься! Увидишь!

«Кому я вообще могу не понравиться?» — промелькнула мысль, окрашенная усталой иронией. Всплыли образы: Настя с её сердечком на салфетке, тёплые улыбки сотрудников «Спиральи»... Даже Дану я понравился... Хотя нет, надеюсь, не понравился. Не достоин он наслаждаться мной...

— Пойдём скорее! — Ния схватила меня за руку, пальцы-когти осторожно сжали запястье.

— Я устал, — пробормотал я, чувствуя, как каждая мышца ноет, а кости гудят от перенапряжения. — Давай просто телепортируемся до города клана.

— Не-ет! — Она замотала головой, а уши прижались. — Тут так красиво! Посмотри вокруг! — Её рука описала широкий жест, охватывая... дымящиеся воронки, оплавленные белые костюмы и лужицы биокристалла. Она замерла, осознав. — Ну, не здесь, конечно. — Её голос стал тише. — А на планете. В лесах. У озера Илтара. Идти всего час! Её глаза снова засияли надеждой. — Там воздух... как хрусталь! И светляки размером с твою ладонь! И запах...

— А-а, ну за что ты мне такая... — вздохнул я с преувеличенным страданием, но внутри теплело от её настойчивости. — Ладно, пошли. Покажи свои хрустальные леса, или что там у тебя.

— Ура-а! — Она подпрыгнула, забыв на миг о трупях под ногами. — И вообще... — начала она, уже разворачиваясь к тропе, которая вела вниз с плато базы.

— Камушек, код 124, раздел 2Б, — мысленно скомандовал я, перестав слушать её оживлённый рассказ о светляках. Нужна была хоть капля сил, чтобы не споткнуться на этом «часе» пути.

— Успешно, — отозвался безэмоциональный голос ИИ.

По ноющему телу разлилось тепло. Не целительное, а скорее стимулирующее — как крепкий, почти обжигающий эспрессо для нервной системы. Посмотрев на тыльную сторону ладони, увидел, как по голубым линиям вен под кожей пробежали искорки апельсинового

света, быстро растворяясь. Боль притупилась, мышцы перестали дрожать. Временная подпитка.

— Кстати, вот здесь я раньше собирала целебные корни. А вон за тем холмом...

Ния шла чуть впереди. Её хвост радостно подрагивал. Мы обогнули последний выступ скалы, открывавший вид на долину внизу.

— Вот да, как сейчас помню, смотри, какая...

Она замерла. словно в неё ударили молнией. Всё её тело напряглось до предела. На её лице, секунду назад сиявшем, показались слёзы. Не тихие — они катились крупными каплями, оставляя мокрые дорожки.

— Что это?! — Голос сорвался на пронзительный животный вопль отчаяния и неверия. В нём была такая боль, что у меня сжалось сердце.

Прямо перед нами лежала долина... Но не та, которую ждала Ния. Не изумрудное море древних, переливавшихся всеми оттенками зелени и черни деревьев, не озеро Илтара, сиявшее, как расплавленный сапфир — а безобразие, адский пейзаж смерти.

Срубленные гиганты леса валялись, как спички. Их срезы чернели, обугленные. Земля была изрыта гусеницами тяжёлой техники, покрыта чёрным пеплом и маслянистыми пятнами. Там, где ещё недавно шелестела жизнь, теперь торчали лишь обгорелые пни да скелеты мелких кустарников. Запах стоял тяжёлый: пыль, химия и горелая органика. Ни хрустального воздуха, ни светляков. Только смерть и пепел.

— Камушек? — Мысль была как ледяной шип.

— Анализирую... — Пауза длилась вечность. — Когда мы приземлялись, этого не было. Спектральный анализ пепла и следов гусениц: техника «Нано-Блест». Тепловые следы — массовый направленный поджог менее часа назад.

Из отсека на костюме вылетел маленький сферический дрон. Его сенсоры жужжали. Он спикировал вниз, к дымящемуся аду долины, сканируя ужас.

— Вывод: пока мы были на «Горизонте», боевые группы «Нано-Блест» провели операцию: подожгли лес по периметру долины и начали вырубку. Причина: вероятно, обнаружение залежей Ихория под этим участком. Хотя я склоняюсь к тому, что это просто вандализм. Как говорится, ни вам, ни нам. И доказательства тому — гигантские партии древесины, которые продают сейчас в магазины (я зафиксировал транзакции). «Нано-Блест» как-то поняли, что ты уничтожишь технику, и, прекратив вырубку, подожгли леса.

Я смотрел на спину Нии. Она стояла недвижимо, как каменное изваяние горя. Её плечи слегка вздрагивали. Тихие прерывистые рыдания смешивались с шипением дрона и треском ещё тлевших где-то вдали веток. Её родной мир, её воспоминания, её хрустальный воздух — были превращены в пепел на её глазах. И пока она сражалась рядом со мной, верила в победу, её дом уже горел.

Тепло от кода 124 внезапно показалось ядовитым. Оно гнало кровь по венам, но не могло согреть лёд, сковывавший душу. Я подошёл к ней и молча положил руку на её напряжённое плечо. Слова были бессильны. Обещания мести — пусты. Внизу дымилась рана на теле её планеты, и пламя этой раны отражалось в её зелёных глазах, полных немой вселенской тоски. Веселье закончилось. Начиналась война на уничтожение. И цена за замедление «Нано-Блест» оказалась слишком страшной.

Молчание повисло тяжелее долинного пепла. Рыдания Нии стихли, сменившись ледяной звенящей тишиной. Она не отстранилась от моей руки на плече, но её мышцы под серой чешуёй костюма стали твёрдыми, как скальная порода её мира. Когда она медленно обернулась, в её глазах не было слёз. Там горело холодное, абсолютное пламя ярости, смешанное с чем-то древним и диким — взгляд хищницы, увидевшей растерзанное логово.

— Они... знали, — прошептала она. Голос хриплый, но лишённый дрожи. Не вопрос. Констатация. — Знали, что я поведу тебя сюда. К Илтаре.

Я кивнул, убирая руку. Слова были излишни. Цинизм «Нано-Блест» достиг нового уровня. Это была не просто вырубка — это был террор, направленный лично на неё. Удар по самому святому на глазах у того, кого она пыталась познакомить с красотой своего дома. Чтобы отнять последнюю надежду. Чтобы сломить.

Ния сглотнула ком в горле. Она больше не смотрела на долину. Её взгляд устремился вдаль, за клубы дыма, туда, где в предгорьях, по описаниям, должен был быть город.

— Пойдём. Путь опасный. Они... везде.

VII

Мы двинулись не по тропе, которая теперь вела лишь к пепелищу, а по краю плато, углубляясь в менее пострадавший, но всё равно угрюмый лес. Деревья здесь были выше, мрачнее. Их переливавшиеся листья казались тусклыми, будто оплакивали соседей.

Шли быстро, почти бесшумно, используя каждую складку местности, каждую тень. Я больше не чувствовал усталости — её вытеснил холодный сосредоточенный адреналин, подпитываемый стимулятором и яростью. Ния двигалась как призрак, её звериные рефлексy обострились до предела. Она не вела, а прокладывала путь, чуя опасность инстинктами.

Через час пути, когда лес стал гуще, а запах гари чуть притупился, Ния внезапно замерла, втянув воздух. Её уши насторожённо повернулись.

— Тише. — Её шёпот был едва слышен. Она указала чуть влево, вверх, в густую крону гигантского дерева, похожего на чёрный дуб с серебристыми прожилками на коре. — Там. Не птица, не зверь.

Я сузил глаза, задействовав остатки усиленного восприятия. Сначала — ничего. Лишь игра теней и листьев. Потом... едва заметное мерцание, искажение воздуха, как над раскалённым асфальтом. Маскировочное поле. Хорошее. Очень хорошее.

— Дрон-наблюдатель, — мысленно передал я Камушку. — «Нано-Блест»? Анализ сигнатуры.

— Сканирую... Сигнатура стёрта. Источник питания: миниатюрный холодный синтез. Технология уровня спецназа Альди. Вероятность принадлежности к «Нано-Блест»: 97,3%. Предполагаю, что он нас пасёт.

— Ния, предлагаю телепортацию. Красоты мы здесь уже не посмотрим.

Она кивнула.

Город клана предстал перед нами не как единый монолит, а как израненное тело. Телепортация выбросила меня и Нию не в парадные ворота, а в тень полуразрушенной колокольни на окраине, откуда открывался вид на сердце поселения. Воздух здесь пах иначе, чем в лесу: пылью, дымом очагов, влажным камнем и... горечью утраты.

Город Нии был высечен из медово-бежевого камня, грубого и тёплого на вид, с тёмными прожилками древних пород. Массивные стены и арки мостов контрастировали с обугленными балками из чёрного дерева — там, где война прошла когтями.

Везде были следы взрывов. По уцелевшим частям двигались фигуры звероловцев: высокие, в практичной одежде из грубых тканей и меха, с оружием за спиной. В центре уцелевшей площади виднелся колодец из того же бежевого камня с тёмным деревянным навесом. Вокруг него кипела работа: разгружали телеги с припасами, перевязывали раненых (на импровизированных носилках из тёмного дерева и шкур), чинили оружие. Дымок поднимался от нескольких очагов, здесь ещё теплилась жизнь, суровая и сосредоточенная.

Нас встретил страж. Высокий, как молодое железное дерево, зверочеловек в протёртой, но прочной кожаной броне, инкрустированной тёмными, почти чёрными костяными пластинами. Его волосы цвета воронова крыла с седыми прядями у висков были взъерошены, а в жёлтых глазах горел холодный огонь насторожённости и усталой ярости.

— Здравствуйте, Ния. — Его голос прозвучал низко и хрипло. Он не улыбался. — Давно не виделись. Времена... не для встреч. Кто это? — Он посмотрел на меня. Вопрос прозвучал не как любопытство, а как требование. Чужак в разрушенном городе клана — угроза, пока не доказано обратное.

Ния встала чуть впереди меня, будто пытаюсь защитить. В её позе читалась не враждебность, а абсолютная ледяная уверенность и готовность к мгновенной реакции.

— Это наш, — бросила она коротко, отчеканивая каждое слово. Никаких пояснений. Никаких сантиментов. Только факт, облечённый в сталь. — Где глава? — Её взгляд метнулся за спину стража, к дымившемуся центру города, туда, где слышались приглушённые стоны.

Страж нахмурился. Его когтистая лапа непроизвольно сжала рукоять тяжёлого тесака у пояса. Он явно колебался, недоверчиво оглядывая меня — человека, слишком... человеческого на вид для этих проклятых мест.

— Он возле Колодца предков, — наконец процедил страж, кивнув в сторону площади. — Лечит раненых. Могу я... — Он сделал шаг, явно намереваясь сопроводить или хотя бы идти рядом, контролируя чужака.

— Не можешь. — Мой голос прозвучал прежде, чем страж закончил фразу. Не громко. Не угрожающе. Но с такой абсолютной, не терпящей возражений, холодной властью, что страж невольно замер. Я даже не взглянул на него, мои глаза были прикованы к месту, куда указал зверочеловек. — Мы спешим. Идём, Ния.

Это был приказ. И мы двинулись, оставив стража в тени колокольни сжимавшим рукоять тесака и непонимающе глядевшим нам вслед.

Картина у Колодца предков была одновременно жуткой и полной странной, суровой надежды: бежевый камень колодца, веками отполированный руками поколений, был забрызган тёмными подтёками — грязью, пеплом и кровью. Вокруг него на импровизированных носилках из тёмного дерева и грубых шкур лежали раненые. Шестеро. Кто-то стонал, кто-то молчал, стиснув зубы, кто-то бредил. Запах крови, пота и дыма висел тяжёлым одеялом.

Над ними склонилась фигура. Сначала я принял его за старика — сторбленного, с седой спутанной шерстью на голове и плечах, одетого в простой выцветший балахон из грубой ткани. Он сидел на корточках у одного из воинов, чья грудь была рассечена глубокой дымившейся плазменной раной. Рука старика с длинными узловатыми пальцами и прочными когтями висела над раной.

— Ния! — произнёс он, не поднимая головы. Голос был низким, глухим, как отзвук камнепада в далёких горах. — Я знал, что ты придёшь. Чувал твой гнев за мили. Как грозовой фронт. — Его рука дрогнула, и из раскрытой ладони родился не просто туман, а живой свет. Изумрудные пульсирующие нити, похожие на светящиеся корни или вены, вырвались наружу. (Наночастицы? Исцеляющий гель?) Они не просто плыли по воздуху — они тянулись к ранам воинов, как магниты, впиваясь в обожжённую плоть, в разорванные мышцы. Я увидел, как раны буквально на глазах сжимаются, стягиваются живой тканью света, оставляя лишь розовые шрамы.

— Проклятые люди... — продолжал вождь, и в его голосе впервые прорвалась горечь, смешанная с бессильной яростью. — Они не просто воюют. Они оскверняют. Жгут жизнь. Калечат душу земли.

Он наконец поднял голову, переводя взгляд с Нии на меня. Глаза... Я ожидал увидеть мудрость веков или боль. Но глаза были молодыми — ярко-жёлтыми, но древними, глубокими, словно в них отражались сами скалы Цме-Су. И в них читалось не просто знание, а понимание.

— Ты же... другой. — Это был не вопрос. Это было утверждение, произнесённое с тяжёлой уверенностью. — Ния доверяет тебе. — Он медленно, с неожиданной для его старческого облика грацией поднялся во весь рост. — А я доверяю ей. — И тут иллюзия старика развеялась как дым. Когда он сидел сторбившись, казался меньше. Теперь же выпрямился. И я понял, что сильно ошибался. Он оказался на голову выше любого воина клана. Мощная фигура в тёмно-серой шкуре с ритуальными шрамами. Дан в своей броне рядом с ним выглядел бы как подросток. Его жёлтые глаза, не отрываясь, изучали меня, словно взвешивая мою душу на незримых весах судьбы.

— Приступим? — спросил я, прерывая его зрительный анализ.

Мы поняли друг друга без лишних слов.

— Конечно. — Было видно, как он удивлён, что я не впечатлился его размерами. — За мной.

Мы находились на Совете клана. Здесь собрались почти все свободные, мудрые и важные воины, а также несколько министров (или кто у них там). Собрались все за круглым столом, расписанным разными рисунками и иероглифами.

— Итак, те люди в белых костюмах хотят получить Ихорий — сокровище нашего вида.

— А откуда вам это известно? — спросил я.

Главу и остальных тронула улыбка.

— Колодец предков даёт всем главам сверхсилы. В них входит распознавание нейронных вибраций, или, проще, чтение мыслей.

— То есть Ния — это глава?

— Бывшая глава, — поправил он меня, а затем продолжил: — Известны ли тебе свойства Ихория?

— Нет.

— Вот и хорошо, а иначе ты бы не вернулся.

— Хм, посмотрим, кто ещё не вернулся бы. Ну да ладно, расскажите, зачем «Нано-Блест» — это те самые люди в белых костюмах — хочет заполучить Ихорий? И зачем они рубят деревья, уничтожают природу и местное население и занимаются прочим не нужным для добычи вандализмом?

Тяжёлая тишина воцарилась после прозвучавшего вопроса. Пламя факелов трепетало, отбрасывая танцующие тени на суровые лица звероловцев. Глава клана поднял взгляд. Его жёлтые глаза, древние, как скалы Ше'Эрра, метнули искру сакрального гнева.

— Ихорий, человек, — его голос зазвучал низко, как подземный гул, — это не сокровище. Это пульс планеты. Живое сердце, вплетённое в самое ядро предками в эпоху Первого заката. Колодец предков — не просто источник нашей силы. Это интерфейс к кристаллическому разуму, спящему в недрах. Матрица всей жизни Ше'Эрра. — Он сжал когтистую ладонь перед грудью. — Когда придёт Истинная гибель — когда яд отравит последний родник, а пламя спалит последний корень — протокол предков активируется. Кристалл проснётся и поднимется из колодца. И тогда, — глава разжал кулак, и пальцы сформировали сферу из зелёного тумана, — польётся свет жизни. Не свет звезды — свет памяти, закодированной в самой материи планеты. — Он помолчал. — Как тебе сказать на твоём... Сеть Ихория начнёт излучать резонансные частоты невероятной сложности. Они заставят камень вспомнить форму гор, споры — структуру леса, воду — русло реки. По-вашему — это сложнейшая биомеханика, человек. Для нас — магия...

— Чушь, магии не бывает, — перебил я.

Он строго посмотрел на меня, будто на ребёнка, который пошутил в неподходящее время.

— Пересборка реальности из хаоса по эталонному шаблону, хранящемуся в кристалле. Дни... недели... и мёртвое станет живым, — продолжил он. Затем лицо вождя исказила гримаса ярости. — Эти твари в белом знают. Их приборы выследили слабость. Колодец — физическая уязвимость матрицы. Они рубят не просто деревья — они рубят древа-ретрансляторы, артерии, несущие силу Ихория! Они жгут леса не для расчистки — они создают мёртвые зоны, чёрные пустоты, куда свет жизни не проникнет, лишая регенерацию сырья! Они ослабляют плоть Ше'Эрра, готовя её к убийству.

Жёлтые глаза, полные ледяной древней ненависти, впились в меня.

— Потому что Ихорий можно вырвать только из умирающего, но ещё живого ядра, пока матрица активна. Мёртвая планета — мёртвый кристалл. Они хотят вырезать сердце планеты, пока оно бьётся, чтобы подключить его силу к своим машинам... Или вживить в себя. И тогда Колодец предков станет просто дырой над холодной пустотой. Они не воры, они детоубийцы планет.

Операция «Первая Любовь»

— Почему первая? Она ведь даже не третья! — спросил я.
— Так надо, — с усмешкой ответил Игорь.

I

— Ну вроде бы всё! — с лёгкой победной интонацией произнёс один из работников Медицинско-косметологического отдела IT ICE (я привык называть его просто МК ICE).

Я встал с кресла и подошёл к зеркалу. Там стоял... почти незнакомец. Мои чёрные волосы стали серебристыми, голубые глаза сменились на стальные серые. Исчезла та самая пелена — взгляд, который выдавал во мне древнего. Сейчас в отражении был молодой парень, максимум лет двадцати, с чуть взъерошенными волосами и нейтральным, даже слегка наивным выражением лица. Эх, когда-то я мог менять внешность по щелчку. А теперь вот грим, нанокорректоры, биопласты и капсулы для подавления ауры. Ужасно долго. Зато реалистично.

Помещение, где проходила процедура, больше напоминало салон высокой эстетики, чем медицинский кабинет. Белые стены с мягкой подсветкой, аромат эвкалипта и мяты, голкартины с успокаивающими пейзажами. На потолке — проекция подводного мира, где над тобой медленно проплывали медузы и рыбы. Вокруг — полупрозрачные модули с косметологическими биомедкорректорами, столики с ампулами и нанокапсулами. Работники одеты в молочно-серые костюмы с символикой ICE, аккуратные, молчаливые, будто дрессированные на вежливость. Один из них поправил микроскладку на моём лице и, удовлетворённо кивнув, отошёл.

— Ого, да тебя прям не узнать, — сказал Яромир, появившись в дверях.

Он был всё тот же: вечно бодрый, живой, слегка небритый и с вьющимися каштановыми волосами, падающими на плечи. Без хвостика, без укладки — просто свободные волны. Его глаза сверкали умом, но, в отличие от Игоря, в них не было ни капли паранойи. Он из тех, кто успевает быть гением, не став при этом социальной катастрофой.

— Пошли, познакомлю тебя с остальными подставными учениками. Конкуренция — дело суровое, поэтому они необходимы.

Мы покинули медблок, и гравиплатформа подхватила нас, мягко оторвав от пола. Кабина была круглая, прозрачная, с лёгкой голубой подсветкой. Сквозь стекло открывался вид на внутренние структуры комплекса: сверкающие арки, трубопроводы с перемещающимися потоками данных и биомассы, инженерные мостики, соединяющие этажи. Мы находились в столичном, но небольшом по меркам компании комплексе.

Яромир молча смотрел вниз. Потом с полуулыбкой сказал:

— Никогда не устаю от этого вида. Всё как будто дышит.

Я не ответил. Внутри чувствовал лёгкую, но осязаемую гордость. IT ICE. Империя в империи. Гигантская частно-государственная корпорация, чьё влияние охватывало почти каждый аспект жизни в Альди. Её сердце находилось здесь, под моим контролем, под моим взглядом, под моей тенью. Но она давно выросла за пределы простого инструмента: транспортные сети, пищевые производства, системы безопасности, энергетика, строительные платформы, медицина, образование, космические проекты, цифровая экономика — всё так или иначе подпитывалось, поддерживалось или создавалось именно IT ICE. Даже ССК — знаменитая Столичная строительная компания — была всего лишь одним из её дочерних проектов, пусть и автономным.

Внутри IT ICE работали лучшие, потому что других туда не пускали. Их технологии опережали время. Их протоколы предугадывали катастрофы. Их алгоритмы управляли инфраструктурой всей страны. По сути, безопасность и благополучие населения Альди держались именно на этих стеклянных платформах, магистралях и интеллектуальных узлах.

Но это была не просто технократия. Это было зеркало моей философии. Механизм, в который я вложил не только мощь, но и мораль. Не абсолютный контроль, а тонкое равновесие. Мы не строили будущее ради власти. Мы строили его, чтобы оно было. Чтобы его вообще можно было представить.

И вот теперь я стоял в сердце собственной империи в облике молодого человека и направлялся на собственную миссию не как правитель, а как инструмент той системы, которую сам и породил.

Конференц-зал находился в центральной секции комплекса, окружённый кольцами служебных и аналитических отделов. Сам зал был просторным, высоким, с полукупольным потолком, имитировавшим ясное дневное небо. Вместо стандартных стульев — адаптивные капсулы с голопанелями. В центре — круглый стол, над которым плавали схемы и проекции предполагаемых учебных маршрутов, архитектуры университета и списков прикритий.

Собрались все: конструкторы личности, аналитики, поведенческие модельщики, агенты внедрения, временные операторы связи и прочие. Был лёгкий шум, как на старте театральной репетиции.

Яромир повёл меня вдоль столов, и мы начали знакомство. Кто-то протягивал руку, кто-то просто кивал. Один, с длинной чёлкой и пронзительным взглядом, оказался специалистом по культурным реакциям в подростковом коллективе, другой — мастером мимикрии, буквально: с живым лицом, которое адаптировалось под мимические привычки окружающих. Была пара близнецов — симулянты типичного студента, которых собирались пустить в массы, чтобы сбивать подозрения. И среди них — Билли.

— О, DrVereby! Здравствуйте! — Его голос выдал неподдельное удивление.

— И тебе не хворать.

— А что я здесь делаю?

— Тебя не посвящали в курс дела? — Я хотел уже предъявить это руководителю операции, но, слава богу, как потом выяснилось, вопрос был в другом.

— Посвящали... Но...

— Ну и отлично.

— Но я же охранник всего-навсего.

— Начнём с того, что большинство здесь — мои старые приятели. Один из таких, например, Дэн, он тоже здесь должен быть. Мы с ним были однокурсниками. А ты здесь потому, что был вторым на должность моего телохранителя.

— А почему не взяли Нию?

— Тебя это не касается. — Ответ был как клинок, рассекающий воздух.

Кольнуло. Я почувствовал, как где-то внутри болезненно шевельнулось воспоминание. Последний разговор с Нией. Последний взгляд. «Я не могу уйти сейчас. Мой народ нуждается во мне. Это мой выбор, Элион». Цме-Су — вот её выбор. Я не стал спорить. Не стал удерживать.

Я кивнул Яромиру, и он, не спрашивая, двинулся дальше. Остальные знакомства прошли в лёгкой деловой атмосфере, оставив после себя ощущение хорошо работающего, налаженного механизма. Несколько «учеников» были откровенно беззаботны: либо отличные актёры, либо профи. Один парень даже пошутил:

— Если что, я ваш комичный друг на фоне. У нас в сериале так принято.

Никто не смеялся. Он и сам не ожидал.

Когда круг был завершён, Яромир подошёл ко мне ближе.

— Тебе дать пару советов перед стартом?

— Хах, ну дай один. Самый дурацкий.

— Улыбайся. Даже если не хочешь. *Особенно* если не хочешь. Люди чувствуют фальшь, но почти всегда верят в неё, если она улыбается. — Он подмигнул, а я задумался, почему он всегда улыбается.

Мы сели. Зал окончательно затих. Один из модулей у стены мягко раздвинулся, и в помещение вошёл человек, которого я не узнал. Эх, раньше я мог бы моментально узнать всё о незнакомце, начиная от его самых дальних друзей до анализа ДНК брата прабабушки.

Он был одет просто: строгий тёмный костюм без знаков различия, серое пальто накинуто на плечи. Лишь лёгкий отголосок власти в походке, во взгляде, в том, как за ним сразу же, почти по инстинкту, выпрямились все присутствующие, выдавали в нём должность.

— Внимание! — сказал он. Голос не громкий, но абсолютно уверенный. — Все на места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.